

Игнат Дэйнов Часть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

2 КНИГИ В 1

Игнат Дэйнов

Часть

«Автор»

2022

Дэйнов И.

Часть / И. Дэйнов — «Автор», 2022

Мальчик идёт в армию. Он хотел туда с детства. Суровые испытания, служба, наряды - ко всему этому Игнат был готов. Но оказавшись в части, столкнулся с ужасом, беспределом и безысходностью. Забытый всей страной в глуши гарнизон, разваливающийся от бардака, спивающихся контрактников, перенаселённый разнонациональными срочниками, беспощадно переваривает простого русского парня. Он старался быть как все. Но один раз спонтанно встав на пути сопротивления, вынужден выживать каждый день и не потерять часть себя. Содержит нецензурную брань.

© Дэйнов И., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предисловие автора	5
Книга 1. Часть	6
Часть 1. Душа	6
1. Стук сердца и берца	6
2. В аду нет дня и ночи	9
3. День защитника	18
4. Травма	30
5. Краткое пособие по началу и подавлению бунтов для чайников	31
5.1 Первый круг. Испытание болью	34
5.2 Второй круг. Испытание невзгодами	36
5.3 Третий круг. Испытание одиночеством	41
6. Инфекция	47
7. Кровь и честь	59
8. Есть	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Игнат Дэйнов

Часть

Предисловие автора

Привет, друг.

Начну с хороших новостей: у тебя в руках две книги, а не одна. Первая, это моя автобиографическая повесть «Часть», что начнётся с момента о моей службе в роте.

Вторая книга – «Юность в сапогах». Это сборник армейских рассказов. Они тоже автобиографичные и имеют хронологию (начиная с момента призыва), однако, ты можешь читать их в любом порядке, так как они не сильно зависят друг от друга.

Теперь перейдём к официозу, извини, я не мог этого не написать.

Обращаюсь к особо «внимательным» читателям: книга ни в коем случае не преследует цель очернить чьи-то взгляды, вероисповедание или социальный слой и тем более, дискредитировать Вооруженные силы РФ.

Кроме того, автор против межнациональной вражды. Содержимое в книге может кого-то задеть. Если вы из тех, кто везде видит оскорбление лично в свой адрес-лучше пропустите. Увы, но книга не о вас.

Всё случившееся просто произошло со мной и с этими людьми, что появятся в сюжете. Оно не пытается сказать, что плохие все представители этой нации, социального слоя или взглядов. Это просто история, рассказывающая, что когда-то были такие люди и произошло это.

Призываю настоятельно-не проникаться ненависти к кому-либо, не смотря на написанное в книге.

Ненависть – путь к поражению.

Также прошу не использовать содержимое книги в качестве аргумента о несостоятельности какой-либо нации, социального слоя или Вооруженных сил РФ. Это просто моя история. А выводы – уже твои.

Всё. Официоз прошёл.

Ещё один момент и я отстану от тебя. В книге содержится достаточно грубостей, жестокости, насилия. Увы, такова жизнь и такая эта история. Я сглаживал многие места, дабы текст был читабельнее и не вызывал тошноту у нормальных людей. Если ты из тех, кто не переваривает жестокость, то лучше не читай.

Ты всё ещё здесь? Я очень рад. Тогда давай, пройдем этот путь.

Книга 1. Часть

Часть 1. Душа

1. Стук сердца и берца

ПОУУМ! ПОУМММ!

Мои берцы глухо стучат по ступенькам. Я поднимаюсь на этаж. В свою Часть, где мне предстоит служить срочку. На душе приторно-мутное ощущение, какое бывает, когда вляпаться в дермовую историю. Особо предпосылок моей тревоги нет. Не считая «знаков», которые попадались мне на протяжении всего пути от распределителя до этой лестничной площадки.

Встряхиваю головой. Соберись, тряпка, какие знаки?!

Давай ещё радио начини слушать и внимать советам утреннего гороскопа.

доносится звук радиостанции «...Сегодня у скорпионов удачный день, но нужно быть аккуратным со своим здоровьем. Также есть шанс получить неприятное известие к концу дня...» -Улыбаюсь, хотя выходит криво и немного нервно.

Смотрю на поднимающегося рядом типа – сопровождающего, что пришёл за мной в штаб, не заметил ли он моей лицевой агонии. Но нет, его пьяные глаза тупо смотрят куда-то в пространство, и я удивляюсь, как он умудряется не споткнуться.

Надеюсь, у меня на сегодня хороший гороскоп и на все дни последующей службы, иначе, астрологи-гнать вас вилами в степи надо.

–Чё, ссска, бляя... -мычит тип, по-прежнему не двигая зрачками и я начинаю сомневаться в его умственном добром здравии.

–М? – мычу на всякий случай, думая, что его голосовой спазм был адресован мне, но он не отвечает.

Мда, будем надеяться, что он один такой на весь мой будущий личный состав, с которым мне предстоит познакомиться в ближайшие минуты.

Хотя, судя по значку, он в наряде – дежурный по роте, а туда, как я слышал, обычно сажают самых ответственных. Если так, то получается, основная масса моих будущих сослуживцев соображают похуже его. Ещё один дурной знак.

Четвертый этаж. Поднимаемся ещё выше. Похоже, моя рота располагается на самом верхнем, пятом этаже.

–Куришь? – выдаёт первое осмысленное предложение тип.

–Нет. – говорю я с гордостью, уверенный, что в армии такое оценят.

–Хуёво тебе будет.

Поднимаюсь, переваривая услышанное.

–Чё такой дрищ, ебать?

–Всегда таким был. – жму плечами.

–Тебе такому точно пиздец будет. Тощий, не курящий, ебало в прыщах. Лучше тебе вернуться и съебаться прямо от сюда в ебаную зелёнку.

Надо же, он способен на длинные диалоги. Я смущаюсь, хотя не особо сильно: пугать новичков любят везде, не только в армии. Вот, пятый этаж.

Впереди полу-ржавая железная дверь с большим круглым глазком, напоминающим чем-то вход в квартиру главного бандоса из «Бриллиантовой руки».

Несмотря на то, что я стараюсь крепиться оптимизмом, в моей душе нарастает чувство какой-то необратимости. И дело далеко не в том, что сказал мой сопровождающий, хотя на самом деле, совет убежать в зелёнку в итоге окажется не таким уж и плохим.

Да что я очкую? Я имею пояс по каратэ (не спрашивай цвет), занимался борьбой и вообще в школе много хулиганил! Чего бояться! Не давай себя в обиду и всё!

ПОУУМ! ПОУМММ! Стучит мое сердце.

Тип отворяет дверь по-прежнему пусто глядя куда-то. Я преодолеваю последние ступеньки, делаю вдох и захожу в роту.

В Часть...

Выкладываю вещи в тумбу в весьма мрачном расположении духа.

Мыло, бритва, щётка, паста и две зелёные тетрадки-мои сочинения и сборник стихов, что я нашёл в распределителе. Неизвестный тип написал рифмы на все случаи жизни и незамысловато подписался «Кумыс». Буду читать по возможности...

Рядом со мной возится со своей шконкой Точилкин. Он приехал в часть вместе со мной, но его привели на этаж почему-то чуть раньше.

Первые минуты в этом месте меня не обрадовали: пока я ожидал возле тумбы дневального, успел заметить целые mobs горцев и несколько узкоглазых.

Там же ко мне успели домотаться двое. Один-пьяный в хлам тип с огромными колхозными кулаками. Он с настойчивостью Джека Николсона из «Управление Гневом» спрашивал меня «Ты кто?».

Его почему-то не устраивали мои простые ответы: «Человек», «новоприбывший» и он продолжал задавать мне этот философский вопрос, ставя меня в тупик. У меня была мысль, разродиться фрейдовскими понятиями личности, что во мне, как и в моём «милом» собеседнике три составляющие: оно, я, сверх – я. Но, глядя в его пустой взгляд, полуоткрытый рот и сжатые кулаки, решил, что это будет тактической ошибкой.

Улыбаясь, как дурочка, я лишь спросил «в каком смысле кто я?»... В общем ахуительная вышла беседа.

Второй-с южными чертами лица, тоже докопался с чем-то похожим ко мне, но я и ему толком ничего не ответил, растерявшись от его вида, абсолютно не соответствующего обстановке и уставу: розовые флисовые штаны и... всё.

Да, именно так. Розовые. Флисовые. Штаны.

Позже я узнаю, что этот тип-один из самых отбитых здесь, возможно мне стоило догадаться об этом уже тогда, глядя на его «стиль».

Всё меньше мне хочется здесь находиться. Может попросить перевести меня в другую часть?

—Эй, ты! – слышу я с конца кубаря крик.

Внутри меня всё съёживается, рядом со мной замирает Точилкин.

Нагибаюсь, смотрю меж железных кроватных прутьев, – в конце кубрика на шконках расположилась компания из шести тел. На табуретке у них водка. Закуски нет.

-Иди сюда! – кричит кто-то оттуда.

Я приглядываюсь и вижу того любителя идентифицировать личность, с которым имел «удовольствие» общаться в коридоре.

Белобрысый, крепкий, с пустыми глазами и хриплым голосом. По его пьяному взгляду не понятно кому он кричит, так как его заспиртованные интеллигентные очи от сильного водочного течения расплылись в разные стороны.

-Я? – спрашивает за моей спиной Точилкин.

-ХуЯ! – летит тут же рифма в ответ. -Сюда иди, говорю!

Точилкин идёт в конец кубаря.

Испытываю секундное чувство радости и одновременно стыда.

Берусь за шконку, заправляю её, усиленно делая занятой вид, пытаюсь уловить ушами дальнейшую судьбу Точилкина.

Говорят тихо и смысла разговора разобрать не могу.

Вдруг, раздаётся шлепок и звук падающего тела разносится по кубарю поражая моё сознание своей резкостью и беспощадностью.

Выглядываю из-за кроватей,-все шестеро топчут лежащее на полу тело, скрючившееся в позу эмбриона.

С силой сжимаю синее уставное покрывало.

Вмешаться или нет?

Нет. Не выведу, а проблем нахватуюсь. Надо сначала понять кто они, сколько у них власти в роте и как часто такое бывает.

Может Точилкин сам нарвался, я-то разговора не слышал.

Пинать перестают быстро.

Ещё минута тихого разговора, возня, тяжелые шаги и возле меня появляется Точилкин, держащийся за ребра.

Под левым глазом у него набухает шишка, под правым рождается слеза.

Она одиноко вылезает, растёт, резко скользит по щеке хозяина и, коротко сверкнув в полёте, умирает где-то на полу.

Отворачиваюсь.

Первое вечернее построение.

По моим прикидкам, нас в роте чуть больше сотни.

Около половины-выходцы из южной части страны и ребята с восточными чертами лица.

У многих русских ребят моего призыва замечаю синяки на лице.

Выходит дежурный офицер.

-Сейчас, готовимся к отбою, умываемся, хуё-моё и всё, после 22 часов никто не шароха-ется, ебать. – говорит он так, будто ему тяжело даются слова.

Он на несколько секунд зависает, затем зевает, обнажив коричневые зубы и язык с жёлтым налётом.

-Всё, съебьтесь нах. – он лениво идёт в комнату офицеров, а мы разваливаемся кто куда.

Отовсюду раздаются незнакомые мне наречия, ругань, мат. Вокруг меня снуёт масса злых, гогочущих, стонущих... Я словно оказываюсь в стае гиен, беспощадно поедающих слабейших.

Иду обратно в кубарь и решаю не умываться.

Завтра, всё завтра. Буду осваиваться здесь, привыкать, а сегодня почему-то хочется просто зарыться под одеялом...

Через час мы все лежим.

Я не хочу, чтобы эта ночь заканчивалась.

Лёжа на втором ярусе своей шконки, вспоминая свои первые два часа в роте, понимаю, что попал в какую-то задницу, потому молю о том, чтобы утро «сломалось» и не вышло на смену.

Не буду засыпать. Так ночь будет длиться максимально долго.

Да, так и сделаю...

Подобно Нэнси в «Кошмар на улице Вязов», лежу под уставным покрывалом, слушаю звуки своей роты, а это сопение, плачь, ругань, смех и повторяю себе одно и то же.

«Не засыпай, не засыпай, не засыпай...»

...заснул я быстро и незаметно, чтобы утром, первый раз открыть глаза в своей роте.

2. В аду нет дня и ночи

-Рота, подъём! – визжит с коридора дневальный.

-Пошёл на хуй, выродок! – летит ему в ответ с конца кубрика.

Вокруг носятся бритоголовые тела, мешаясь друг другу, обмениваясь руганью.

Осматриваю обстановку.

Примерно чуть больше пятидесяти тел здесь спит и столько же во втором кубрике.

-Откидку делайте суки! – орёт кто-то.

Смотрю на соседей по спальному месту.
Те отбрасывают одеяла к краю шконарей.

Пытаюсь проделать тоже самое, но получается криво.

-У тебя что-за откидка, боец? – подходит ко мне крепкий плечистый тип с восточными чертами лица.

Жму плечами, поправляю как могу.

-Рота, строимся на центральном проходе, форма номер три!-летит визг с коридора.

Толпа вокруг медленно валит на выход из кубаря, я тоже порываюсь следом.

-Куда, боец? – останавливает меня тип.

-Откидку сделай нормальную и иди.

Пытаюсь поправить одеяло как могу, но абсолютно не понимаю, что он имеет в виду под «нормально». Появляется дежурный по роте, тот что вчера вечером меня сюда привёл.

-Э, не понял! Ты какого хуя тут стоишь? Быстро на построение! – орёт он.

Дергаюсь вперёд.

-Стой! Ты хочешь хуй положить на меня и оставить бардак на кровати? – останавливает меня узкоглазый. Растерянно смотрю на него.

-Быстро на построение! – орёт дежурный.

-Лучше не оставляй её так или тебе пиздец будет.-улыбаясь, крутит головой крепкий.

-Договоритесь уже между собой, что мне делать? – скромно улыбаюсь я, надеясь, что меня поймут.

-Чего бля?! – дежурный по роте выпячивает глаза. -Меня не ебут твои проблемы, на построение на хуй!

Бегу к выходу из кубрика.

-Пизда тебе, пацанчик. – летит вслед от узкоглазого крепыша.

Весь распаренный въябываюсь в строй, в пол уха слушаю дежурные объявления, стараясь отдышаться.

-Сейчас сразу идём на завтрак. – так же лениво выдает летёха. -Без зарядки, потом на развод. Через полчаса всем быть готовыми. Все рассосались, суки.

Строй разваливается. Ко мне подходит усатый майор.

-Ты же приехал вчера и ещё кто-то с тобой?

-Да, сейчас скажу кто...

-Короче найдешь его и пиздуйте в офицерскую.

Точилкин оказался в инженерном взводе, что на построениях стоит совсем рядом. Вдвоём заходим в комнату офицеров.

-Фамилии.

-N-ов.

-Точилкин.

-Пиздуйте сюда, распишитесь.

Подходим, видим ведомость, обёрнутую в красную папку.

– Это что? – спрашивает Точилкин.

– Боец, здесь вопросы нельзя задавать. – раздраженно смотрит на него майор, но тут же смягчается.

– Это ваша присяга. Торжественное мероприятие, всё такое. Подпишите и свободны. Озадаченно переглядываемся с Точилкиным.

– А как же кмб? У нас даже его не было. – решаюсь вставить я.

– Да там хуйня, здесь быстрее всему научитесь, так сказать в боевых условиях. – лыбится майор.

– Присяга, без кмб, строевой, стрельбы? Мы даже подшиваться не научены...

Ебануться, я себе это немного торжественнее представлял.

– Подписывайте, у меня нет времени. – снова бесится майор.

Ставим «автографы».

– Ну, поздравляю, теперь вы официально солдаты, идите на завтрак. – майор, больше не глядя на нас, достает из-под стола бутылку водки, стакан. Выходим, от удивления забыв дать «воинский респект» офицеру, но ему явно всё равно.

Собираемся на утренний развод.

На построении объявляют, что форма одежды номер пять, плюс-ватники и валенки.

Мечусь по коридору, абсолютно не зная, где их взять.

– Ты чего не в валенках? – спрашивает меня коренастый тип и я его узнаю.

Это Чепчик, паренёк с моего взвода.

– Не знаю где взять их.

– В сушилке.

– А где сушилка?

– За бытовкой.

– А где бытовка?

– В конце коридора. Блять, давай уже осваивайся!

Бегу в бытовку, захожу в сушилку, откуда выгружаются стосы в валенках и ватниках, смахивающие на бомжей.

Мне остались последние две пары полуразвалившиеся, с запахом, напоминающим мертвечину.

Беру те, где хотя бы подошва с виду не грозит съебаться с ноги в любой момент. Стягиваю ватники с труб, несущих роль сушилки.

Рядом со мной переодеваются двое.

– Заяц, сьюка, тхи блять, какого хуя игноришь меня?

Второй, явно моего призыва, молча натягивает валенки, тоскливо смотря вниз.

– Тхи меня не видишь, э? Счас увидишь.

Напяливаю ватники, оказавшиеся на несколько размеров больше меня. Осматриваю ноги. С виду будто наложил в штаны.

Раздаются глухие хлопки и стон.

Оборачиваюсь.

Заяц лежит на полу в грудe кирзачей. Тип пинает его молча, целясь в живот и голову.

Выхожу из сушилки, стараясь быть невидимкой.

Вываливаемся все на улицу.

– Чего ждём? – спрашиваю я Чепчика, глядя как почти вся рота идёт куда-то за пятиэтажку, а наш взвод стоит на месте.

– Контрабасов наших. Без них нельзя. Ты поаккуратнее с ними. Особенно со старшим сержантом Скворцовым. Он отморозок, любит руки ломать срочникам.

–Что значит любит? – улыбаюсь я, уверенный, что он шутит.

–То и значит! – почти визжит Чепчик.-Берёт и ломает! Ебанутый он, садист ещё тот.

–Подожди, а проверка там не доябывается?

–Какая проверка? – он смотрит на меня, как на дурака. –Здесь нет никаких проверок. Никаких телесных осмотров, ничего нет. А те, кто попадает в госпиталь молчат, иначе только хуже будет. Тебе вообще «повезло» с частью. Ты явно нагрешил где-то раз попал сюда.

Открываю рот, чтобы спросить ещё что-то, но во рту пересохло.

Подходит белобрысый толстощекий сержант.

–Чё, пидоры, уже собрались? Пошли. – он кивает, и мы идем следом за ротой на развод.

–Это и есть Скворцов. – на ходу нащёптывает мне Чепчик.

На плацу осматриваю всех собравшихся. Несколько сотен человек. Отмечаю, что много нерусских и узкоглазых.

Командир бригады что-то говорит и по голосу понятно, что он пьян.

Такое ощущение, что здесь бухают все.

Затем, торжественный марш по плацу.

Марширую в строю со своим взводом, пытаюсь «поймать ногу» впереди идущего.

Неожиданно строй поворачивает влево, а я продолжаю идти прямо и смещаю в сторону узкоглазого парня.

Слышу сзади ругань.

–Что за хуйня?

–Ты чё съебался, Чернобродский?

–Куда встал?

–Это он меня подвинул!

–Сместись!

–Куда?!

Я понимаю, что упорол какой-то косяк, но «исполняю песню» до конца, идя за тем, за кем оказался. Сзади продолжают ругаться, кто-то не сильно бьет меня в спину.

–Пизда тебе, сука! – слышу я голос сержанта Скворцова.

Марш окончен. Возвращаемся туда, откуда начали.

Комбриг ещё что-то говорит, но я не слушаю, чувствуя опасность спиной почти физически.

–Разойдись. – объявляет полковник.

Сотни тел расходятся, заполняя собой плац.

Меня хватают за плечо, разворачивают.

Вижу злой взгляд Скворцова и получаю удар кулаком в нос.

В глазах вспышка, сажусь на тонкий покров раннего снега.

По губам и подбородку бежит что-то тёплое.

–Ты сука, какого хуя делаешь? Ты на кмб что делал, хуй сосал?

Хочу сказать, что у меня не было кмб, но боюсь, что кровью залью весь подбородок и молчу.

Скворцов продолжает орать, пинает один раз меня по ребрам.

–Эй, хватит.-раздается рядом.

Вижу молодого лейтенанта.

–Тут кто вчера прибыл в роту?

–Я.-встаю, держась за горящий от боли нос.

За ним уже вижу Точилкина и остальных ребят, с которыми вчера приехали сюда из распределителя.

–Идите за мной.

–Сука, я ещё поговорю с тобой! – рычит Скворцов.

Иду за лейтенантом, вместе с Точилкиным, по пути стараясь высморкать остатки крови. Оборачиваюсь на ходу назад. У многих ребят, с которыми я приехал, видок тоже не весёлый. Они попали в другие роты, но судя по их лицам – там не лучше.

У Валька, идущего в конце колонны, вижу разбитую губу. Он идёт, понутив голову вниз и мне странно это видеть: ещё недавно он был крепкий спортивный парень, вечно всех подъябывающий, дающий клички.

Летёха заводит нас в соседнюю «хрущёвку», заводит в кабинет, заполненный школьными партами.

–Садитесь ждите. – уходит.

Сидим молча.

Почему-то нам не хочется говорить и до того, как открылась дверь, никто из нас так и не проронил ни слова.

Заходит полковник.

Кто-то из нас вскакивает, вслед за ним поднимаемся и все мы.

–Садитесь. – машет рукой он.

Присаживаемся, ждем.

Он, шаткой походкой доползает до «учительского» стола, стоящего перед нами, падает на стул.

–Короче. Поздравляю, вас, с прибытием на службу. – монотонно-устало выдаёт он. – Надеюсь, служба в нашей части, доставит вам массу впечатлений.

Он поднимает глаза на нас, смотрит на меня.

«Уверен, так и будет» – едва не выдаю я.

Полковник смотрит на мой бушлат с засыхающими пятнами крови.

–Да, и в общем. Если кто-то будет вас заставлять что-то делать-сообщайте мне. Со всеми случаями неуставных взаимоотношений будем решать вопрос конкретно. Ясно?

Кто-то кивает.

«Ясно», «понятно», «Так точно».

Полковник не обратил внимания.

–Ещё у нас есть здесь военный психолог. Светлана Яниновна. Если будут какие-то проблемы психологического характера-обращайтесь к ней. Вопросы?

–Товарищ полковник, разрешите спросить.

Полковник смотрит на задние парты мне за спину.

–Что хотел?

–Что значит проблемы психологического характера?

Полковник устало закрывает глаза, снова открывает.

–Я не знаю, поплакаться захочется, сию мамину, сбежать, что угодно. Это к ней. Не делайте всякой хуйни, лучше поговорите с ней. А то у нас что-то в последнее время много в дурку уезжают солдат. Ещё вопросы?

Молчим.

Смотрю на стенд с брошюрами о правилах гражданской обороны в случае ядерной или химической атаки. Рядом стенгазета. «Лучший военный психолог нашего округа, Молчанова Светлана Яниновна» – читаю я, смотрю на фото.

Симпатичная молодая женщина. Даже красивая. Что она делает здесь, среди алкашей и в этом упадническом посёлке?

–Всё, свободны.

Возвращаетесь в свои подразделения.-полковник облегченно вздыхает, выходит. Я, порываясь непонятному позыву под шумок срываю фотку со стенной газеты.

Возвращаемся с Точилкиным в роту, в сопровождении летёхи.

Может стоило дать сдачи Скворцову? Сомневаюсь, что он хорошо машется, с учётом, что он привык бить только тех, кто не лупит в ответ, но всё же...

Я вроде не пай мальчик: за спиной борьба, каратэ, драки с ребятами с других школ.

По идее шансы есть, не смотря на то, что я дрищ, а он крупнее. Но нет, тут проигрышная ситуация. Если выиграю-в дисбат уеду, проиграю-в больницу. Засада. Что делать?

Ладно с контрактниками, а как быть со срочниками? Бить в ответку? Можно попробовать, но вспоминая лицо Валька, который с детства на спорте и единоборствах, меня немного деморализует.

Может пойти к военному психологу, и она подскажет как быть? Ладно, посмотримся, что да как здесь.

Может, не всё так плохо.

–Видел я эту психологичку. – хмыкает Чернобродский. –Ахуенная баба, я потом четыре раза подряд дрочил на неё.

Мы в наряде на камбуз. Впятером чистим картошку. Я, Чепчик, Чернобродский, Тимоха, Филатов. – Интересно, что она делает в этой жопе? – спрашивает Тимоха, смотрит на очищенную картофелину и откусывает её край.

–Мне другое интересно, кто её ебёт? – скалится Чернобродский.

–Да по-любому полкан наш, кто ещё?-почти возмущенно поднимает брови, Чепчик.

–Ты чё? Ты видел, полкана нашего? Алкаш, на утренних разводах уже в хлам ходит. У него уже хуй не стоит стопудов, ему всё насрать, лишь бы бутылка была.

–Вкусно? – спрашиваю у Тимохи, задумчиво жуящего сырую картошку.

–Неплохо. – жмет плечами тот. – Только пить ещё больше хочется.

–Да питья тут не хватает. – влезает Чепчик. –Три раза в день, треть кружки! Пиздец, человеку норма два литра, а нам едва пол литра накопится и то если округлить! Суки повара, сами тут жрут, пьют, а нам с хуй собачий льют.

Мимо цеха проходит высокий крепкий тип со злыми глазами.

–Это кто тут суки? – бешено смотрит он на нас.

Молчим.

Он влетает, ногой ебашит Чепчику в голову. Тот слетает со стула на кафедру.

–Ещё раз вякните что-нибудь, вообще нассым вам в кружки и вашим скажем, чтоб вылакать вас заставили, ясно? – он дико смотрит на нас, стоя над лежащим Чепчиком.

Не отвечаем.

Не дождавшись ответа тип уходит.

Чепчик садится на стул, на щеке у него след от сапога.

-Это кто? – спрашиваю я.

-Повар. Из срочников. Старший призыв.-поясняет Чернобродский. – Никитос его зовут вроде. Жёсткий тип.

-Походу поварам тут тоже не сладко?

-Ну лучше так, чем в роте с чёрными или «китайцами». Слышал, здесь свои движухи, свой мир, но просто так сюда не попадёшь. Как и к психологичке.

-А к психологу почему не попасть?

-А ты попробуй часто просись куда-то. – подаёт голос Чепчик, потирающий ушиб на скуле.-Сразу подумают, что тебе не нравится в них что-то или комиссоваться через дурку хочешь, или вообще стучишь на них. И тогда пиздец тебе будет. Так бы, конечно, все к ней ходили, хотя бы чтоб на бабу посмотреть, а не на рожи эти узкоглазые.

Смотрю на Чернобродского, у которого явно восточные черты лица. Но ему похуй.

-Щас, скоро 23-е февраля, тогда и узнаем, что такое настоящий пиздец. – мрачно говорит Филатов. Удивлённо смотрим на него, вспомнив о его существовании.

-А чего? – спрашиваю я.

-Как обычно. – Чепчик недовольно хмурит брови. -Офицеры накануне съедутся бухать и на выходные и рота будет предоставлена сама себе. Тебе, Н-ов повезло, ты на Новый год ещё не был здесь, тут жопа была. На 23-е будет хуйня такая-же. Будут все бухать и делать с нами, что захотят. Чёрные, узкоглазые, «деды». Блять... Может в госпиталь как-то свалить, пока не поздно...

Чепчик бросает нож в чан с водой и задумчиво смотрит куда-то вдаль.

-Это чёртовы шакалы всё. – говорит Филатов, поправляя ремень на толстом животе.

-А что они?

-Заметил, как нас расселили? Большинство чёрных вперемешку с русскими во второй кубарь, нас вперемешку с узкоглазыми в первый. Это чтобы они не сильно друг с другом враждовали. А мы страдаем и от тех, и от других.

-Вот суки! – вскрикивает Чепчик, но тут же воровато смотрит на выход в цех, и уже обращаясь ко мне.

-Типа мы – русские стерпим, а они пусть не ночуют близко друг к другу! Вот суки!

-Харош пиздеть! – орёт из коридора старший сержант. -Дочищайте быстрее и на бочки пиздуйте!

Выходим ротой из камбуза.

Толпимся, толкаемся, наступаем друг другу на ноги. Слышу звуки ударов.

На выходе из здания вижу, как Алиев вколачивает удары в голову рядового Семёнова. Тот быстро обмяк вдоль стены, прикрыв голову руками.

К ним подбегает Джамбеков и окунает пинки в тело парня.

Отворачиваюсь, выхожу с остальными. Встаю в строй.

Дежурный офицер не удосуживается нас пересчитать.

–Все здесь?

–Ага.

–Угу.

–Такточн.

–Шагом марш.

Идём к нашей «хрущёвке».

Из камбуза выбегают два тела и присоединяются к колонне. Доходим до места.

–Разойтись.

Строй разваливается, кто-то идёт к курилке. Я не курю и собираюсь идти в роту, но вижу одиноко идущую шатающуюся фигуру Семёнова вдалеке.

Поднимаюсь на этаж, вглядываюсь в лица ребят моего призыва, вспоминая, кому на вчера отдавал напрокат иголку.

–N-ов, выручай! – подлетает ко мне Точилкин. –Денег надо.

–У меня нет, сколько надо?

–Чем больше, тем лучше. – морщит подбородок он так, будто собирается зарыдать. –Мне сказали платить им или меня узкоглазые выебут.

–Да не выебут. Пугают просто. – пытаюсь я подбодрить товарища.

–Могут. В соседней роте уже опускали пацана так. Он в дурку съехал в итоге. Эти тоже могут...

У меня идёт мороз по коже.

–Правда нету? – смотрит Точилкин на меня глазами, полными мольбы.

–Правда. Я с таких ебёней приехал сюда, что мне письма даже не доходят, а про деньги вообще можно не мечтать.

Точилкин оглядывается по сторонам, перестав меня слушать, затем, увидев, Сорокина, несётся к нему.

Смотрю ему вслед и думаю, – как хорошо, что у меня пока получается оставаться здесь незаметным.

Надолго ли?

Ночью чёрные подрались с «восточными».

Я лишь видел в темноте, как Фахылов – мощный башкир-боксер, лихо влетел в потасовку и молниеносным ударом отправил Исламова в нокаут.

Отвернулся на другой бок, стараясь подавить себе ужас от мысли-куда я попал?

После этой драки давление на нас обострилось. Бить стали чаще и все подряд.

–Пацаны, есть пятьсот рублей? – с полными отчаянья глазами спрашивает Дайнеко нас, когда мы сидим в кубрике после утренней уборки.

–Ну ты даёшь Дайнек. – лыбится Сорока. –Конечно, есть.

–Бля, пацаны, я серьезно! – почти плачет он. –Они поклялись меня опустить, если денег не найду.

–Кто? – спрашивает Тимоха, что держал свежую подшиву для воротника в руках.

–Какая разница кто его ебать будет, подумаешь наложницей в гареме больше. –криво ржёт Сорока и Чернобродский его поддерживает.

Дайнеко-высокий и самый старший из нас, ему двадцать пять лет. За плечами у него институт, год работы, жена и сын. Парень, почти мужчина, смотрит на нас девятнадцатилетних щенков глазами, полными отчаянья и безысходности.

Я виновато пожимаю плечами.

–Правда нет, дал бы, была бы хоть копейка. – говорю я.

–Они же это сделают...-тихо сказал Дайнеко Сорокину и Чернобродскому, что продолжали злобно глумиться, отпуская шутки на тему сексуального рабства.

–Суки вы... – шипит он. –Вас они тоже рано или поздно нагнут!

–Вот и полезло говно.-прокомментировал Тимоха. –Вот потому я не впрягаюсь никогда.

–Тебя разьебать?! – выходит из себя Дайнеко и напирает на сидящего Тимоху с безумными глазами.

–Стой, тормози! – влезаю я у него на пути. –Ты лучше свой пыл оставь на чертей этих. Надо нам не ржать друг над другом, а объединиться. Попробовать отмахаться как-то...

–Ага. Сколько их тут, а сколько нас, да и никто не согласится. – подает из-за шконок голос Точилкин.

–Да похуй на количество. – выдыхаю я, чувствуя, как в душе поднимаются силы жить.

–Если сообща действовать, то все получится!

–Сам-то, решишься или только пиздеть можешь? – бурчит с соседней табуретки Сорока. Дайнеко уходит, не дослушав.

Не успеваю ответить, в кубрик заходит Отец-гориллоподобный огромный чел старшего призыва с глазами животного, руками примата и повадками уголовника. Он волосатый как ёбаный йети (пока учёные ищут снежного человека в горах, он успел отслужить в армии) и, судя по его не изуродованному интеллектом чучелу, он помесь цыгана и шимпанзе.

Мы все притихли, я сажусь на табурет, но внутри всё трясет от адреналина.

Надо показать. Что я могу. Не Сороке. Себе.

Огромный Отец, тяжело ступая по полу, проходит мимо нас... и я, не до конца понимая, что делаю, выставляю ногу.

Он спотыкается, смотрит на меня звериными глазами, и огромная нога в кирзаче врежется мне в голову...

Прихожу в себя на полу, возле лежащей табуретки. Ребята по-прежнему сидят, подшиваются, будто ничего не произошло.

–Ну что, не передумал? – улыбнулся Сорока так, будто радуется проёбанному шансу попытаться что-то исправить.

Держусь за гудящую голову, шатаюсь, иду в туалет.

Каждую ночь нас поднимают.

Старший призыв устраивают ночные качи, сопровождающиеся тумками.

Во время этого «восточные» по одному вылавливают некоторых из строя и уводят в темноту, в конец кубрика...

Позже, нам говорят: «Быстро, уебались спать!».

Мы падаем по шконкам, засыпаем и нас будят через полчаса и всё по новой.

Кач, избияения...

Днём нас так же пиздят.

Причём везде: в тесной раздевалке камбуза, в сушилке, туалете, на «взлётке», не особо озадачиваясь поиском повода.

Стараясь быть как все, я погружаюсь в странное состояние. Всё чаще замечаю, что похуизм проникает всё глубже в мою голову. Меня больше не задает вид избитого человека и стон боли сослуживца. Одна мысль – хорошо, что там, у ног отморожков, лежу не я.

Я больше не думаю о доме, не строю планы, не скучаю, только тускло забочусь, как бы дожить до конца дня, но затем тут же вспоминаю, что отбой – только начало... От чего прихожу к выводу – в аду нет ни дня, ни ночи.

В какой-то момент уже перестаю следить за собой. Моя одежда хронически грязная: в остатках еды после наряда на камбуз, пропахшая потом, с пятнами крови. Страшное состояние на самом деле...

До сих пор с содроганием вспоминаю эту апатию и понимаю, что это прямой путь в пропасть.

Но всё изменилось 23-го февраля.

День, который мы все – простые русские срочники младшего призыва, ждали с ужасом...

И, как всегда, в таких случаях бывает, этот день наступил быстрее, чем того хотелось.

3. День защитника

21-го февраля к нам в часть в первый раз за год торжественно приехала проверка, какие-то высокопоставленные вояки во главе с командиром военного федерального округа.

На утреннем построении отцы-командиры, осмотрев нас и первый раз обратив внимание на грязную форму, а также на разбитые лица у русских ребят младшего призыва, решили сплавить нашу роту в парк «охранять ядерный щит страны». По факту в «охрану щита» входило: подметать, мыть, выносить мусор из подсобок.

В дневальные на этаже оставили трех самых целых срочников. На носу у одного из них всё же чернела гематома, а ушлый прапор Негов натянул на него противогаз к моменту прихода проверки. Произошедшее далее, знаю из рассказа самих дневальных.

–А где личный состав? – спросил начальник военного округа.

–Занят выполнением задач в парке, тварищ генерал-... – торжественно заявил командир роты. Начальник подходит к тумбочке дневального.

Стоящий на ней рядовой Титов напрягся и выпрямился до хруста в позвоночнике.

–Рядовой, тебе хорошо служится? Никто не обижает?

Титов взглянул быстро на прапора, затем командира роты и на полковника-командира части, словно ища у них ответ.

–...эннн, никак нет! – почти взвизгнул Титов, забыв от волнения добавить «тварищ ...».

–Что именно «никак нет»? – тихо, с легкой улыбкой спросил один из самых молодых членов комиссии, но генерал его не дослушал.

–Поздравляю тебя, солдат, с наступающим днём Защитника Отечества! – торжественно выдает он, гордо подняв подбородок.

–эммм, спасибо... – криво с краснеющим от стыда лицом, выдает Титов.

–Какой спасибо!!!-схватился за голову прапорщик, выдав слова шёпотом и одновременно криком.

–Ой, то есть... Ура! Ура! Ура!

Генерал снисходительно растянулся в улыбке.

–Ну ладно тебе, прапорщик. Парень просто волнуется.

Комиссия уже развернулась, чтобы пойти в пустые кубрики, но тут из туалета, болтая хоботом, вышел второй дневальный в противогазе, с метлой и совком в руке.

На совке покоилась кучка влажной пыли и комок использованной туалетной бумаги.

Увидев элиту вооруженных сил, дневальный моментально уронил весь инструментарий, с хлопком прижимая руки к швам. Комок бумаги с коричневым пятном, покидает совок после падения и приземляется возле ног генерала.

– Смуыыырффно!!! – раздался глухой вой из-под противогаза.

– Суки! Вас даже когда нет умудряетесь накосячить! – отчитывает нас на вечернем построении прапорщик Негов.

Рядом с ним стоит дежурный офицер, лейтенант Хорин и ржёт, слушая историю прапорщика.

– Пока вся комиссия в режиме «паузы», молодой этот хер спрашивает у меня такой, а почему, блять, солдат ваш в противогазе? – Негов повествует о дневном инциденте.

– А ты чё?

– А я хули. Еле как объяснил ему, что этот солдат по болезни пропустил уроки гражданской обороны, ну типа действий в случае газовой атаки, вот и закреплял тему.

– А он чё?

– Посмотрел на меня так, будто я ему хуйню какую-то сказал, блять. Типа мне не поверил! Вот из-за таких пидарасов ссученных, которые суют везде нос, в армии бардак, да Лёха?

Хорин улыбнулся, пожал плечами и кивнул головой. Прапора этот ответ удовлетворил.

– А вы чё, орки, блять? – снова перешёл на нас Негов. – Туалетную бумагу не можете в урну, блять, выбросить? В урнуууу, блять! Это так сложно? Урна стоит в каждой кабинке. Какому долбоёбу пришлось в голову выбросить эту хуйню на пороге туалета? Выйди сука сюда, мне страшно, что такие как ты служите рядом с оружием!

Никто не вышел.

– Я вас вообще лишу туалетной бумаги. Будете жопы о косяки вытирать или друг у друга вылизывать! Вот вам заодно дополнительно питание будет, а то жалуются все, что жрать нечего! Вот что я вам скажу, пока вы не готовы жрать говно, вы не голодные!

Стоим тупо смотрим.

Сзади мне в почку кто-то тыкает кулаком и шепчет «Завтра ночью вам пизда и послезавтра, лучше вешайтесь».

Это Бритнев, тот тип, что докопался ко мне с философским вопросом в самые первые минуты моего пребывания в роте. Он с огромными кулаками, похожий на олигофрена, вечно пьяный и злой.

Снова удар в почку. Болезненный. Я морщусь от боли, а возможно от мысли о том, что будет завтра.

На следующий день идём на обед.

В очереди к раздаче первыми обычно стоят «восточные», затем чёрные вперемешку со старшим призывом и в конце уже-мы.

К тому времени, когда мы доходим до раздачи, все вышеперечисленные уже доедают и торопят нас быстрее есть.

Место, где наша рота трапезничает, представляет собой несколько столиков на четверых человек каждый и ряд больших столов, заправленных скамейками, рассчитанных на восемь человек. Узкоглазые, чёрные, старший призыв, садятся за столики на четверых, оставляя на каждом по одному месту для нас.

А всё для того, чтобы было у кого отобрать еду, нагрузить лишней работой после приема пищи и чтобы было кого запрячь выносить грязную посуду по стола.

Мы стараемся не садиться за «четвёрки», надеясь попасть на «восьмиместки», где хотя бы сидишь среди своих товарищей по несчастью, но если заметят, что ты нарочно не сел за их стол, а сразу пошёл на «восьмиместку», то это будет считаться косяком, что грозит тебе проблемами на неделю вперед...

Иду с подносом в руках, не веря тому, что на нем вижу.

Высматриваю свободный край на «восьмиместке», хочу приземлиться туда.

– N-ов, Семёнов! – орёт со стороны столиков Фахылов. – Вы чё, ахринели? Заполняйте наши столы!!!

Семёнов, понутив голову, идёт к ним.

Я, немного помаявшись, сажусь всё равно на «восьмиместку».

– Ты чё, N-ов, попутал? Верха поймал? Пизда тебе! – слышу крик.

Похуй уже, мне и так здесь пизда.

– Ребят, это что? – я показываю на поднос.

– Это спасибо вчерашней проверке. – подсказывает Тимоха, сидящий напротив. – Начмед два дня кормит от души нас, дабы проверка в отчетах написала, что в нашей части заебись питание.

– Так вот как части становятся образцовыми. – улыбаюсь я, глядя на густой суп, где плавает мясо.

Кроме него, на второй тарелке расположились макароны с гуляшом, небольшая миска салата: сморщенная помидорка с луком в масле. Вдобавок: три куса хлеба с маслом на каждом и... полная кружка кофе.

– Ага. А завтра опять дадут бульон с почерневшей мягкой картошкой. – рядом возмущается Чепчик.

Тимоха, берёт кружку, делает маленький глоток кофе, продолжает рубать макароны.

Ем. Вкусно или нет, трудно сказать.

Голод – лучшая приправа к блюду, как сказал какой-то мудрец, потому, даже «салат» мне кажется великолепным.

– Пир во время чумы. – чавкает рядом Чепчик. – Наша последняя нормальная жрачка перед смертью, парни.

– Почему? – я скрепляю два куса хлеба маслом, мысленно называю это «сэндвич по-армейски».

-Они водки накупили. – Чепчик кивает назад, где за «четверками» сидят узкоглазые, чёрные и старший призыв.

–Много водки. На сегодня и завтра. Больше, чем под Новый год.

На секунду мне кажется, что у Чепчика повлажнело в глазах.

-Перед Новым Годом они ещё не были уверены, что им дадут так бухать. Теперь знают и ничего их не тормозит. – Тимоха жуёт хлеб с маслом и делает снова очень маленький глоток.

-Пизда будет, просто что-то невообразимое... – Чепчик словно забыл о еде.

-Хватит ныть. – встречается Фил, сидящий рядом с Тимохой. -Кому-то сейчас хуже, чем нам. Я слышал, что в РМО вообще узкоглазые током ебали ребят.

-Как это?

-К переговорному аппарату подключали и крутили рычаг. У одного там приступ эпилепсии случился в момент удара. Они так разозлились, что во время припадка начали его пинать. Думали, что он симулирует. Затем вообще обоссали его и под шконку забили.

-Ебать! Спасибо Филат, мне стало легче! – Чепчик возмущенно смотрит на него. -Когда у тебя будет жена и начнет рожать, ты ей эту ахуительную историю Расскажи, роды легко пройдут.

-Какая жена? – с соседнего стола встречается Сеня. – Вы посмотрите на эту жирную свинью, от него только его мама и решится родить!

-Сеня, пошел на хуй. – огрызается Фил.

-Ну в натуре жирный и уродливый. – поддерживает Сеню Титов.-Видел себя в зеркале? Глаза выпученные, зубы кривые, голос, как у пьяной бабульки, живот, как у свиньи!

-Ты просто ребёнок ещё, раз так говоришь. – Филатов с деланным равнодушием вгрызается в помидорку.

-Я хотя бы девочкам нравлюсь. – гордо выдает Титов, выпучив своё лицо с правильными чертами и ровными зубами.

-Ты и тувинцам нравишься. – вставляю я и мы все ржём над Титовым.

-Эй, чо ска, там вэсэло э? – кричит нам кто-то из чёрных.

Затихаем.

-Вообще не жмись ко мне! – злобно дёргается Тимоха, толкая Филатова в бок. -Итак одной жопой три места занял!

-Он от тебя детей хочет! – оборачивается к нам Сеня.

Тимоха делает маленький глоток кофе.

-Чего так мало пьёшь? – спрашиваю я, с тоской взглянув на свою опустевшую кружку.

-Хочу потом взять и залпом выпить. Чтобы казалось, что я напился кофе.

-Важна не сила ощущения, а её продолжительность. Так во всяком случае говорил Ницше. – миролюбиво пожимая плечами, говорю я.

-Ага! – снова возмущается Чепчик. -Пусть этот Нищий или как его там, сначала, проживёт на 0.5 жидкости в сутки, при такой моральной измене, вечном страхе и пиздюлях, тогда я почитаю его мудрости, а пока его книжки годятся только долбаёбам, которые хотят подумать, что они умные, читая какого-то филолога.

-Философа. – подсказываю я.

-Какая хуй разница. Что вагина, что пизда.

-Так, урук-хаи! На выход! Много пиздеть, как я слышу, начали! – пронеслась команда. Тимоха, задумчиво посмотрев в окно, словно водку опрокидывает в себя почти полную кружку кофе и с тоской смотрит на дно.

Чуть позже нас снова ведут на камбуз, но уже не для приёма пищи...

Заходим в обеденный зал, где уже сделали перестановку, убрав столы и расставив скамейки, создав таким образом зрительный зал.

Рассаживаемся.

Выходит полковник, командир части. Пьяно толкает речь о долге перед страной и о военных, что выполняли этот долг особенно хорошо, от чего заслуживают награду – присвоение звания. Называет фамилию.

–Хус... Хуй...блять... Хусснулин!

Выходит длинный смуглый тип.

Ему что-то вручают, дают подписаться.

–Поздравляю, боец.

–Служу савэтскому союзу! – орёт он.

Все ржут.

–Мусаев!

Процедура повторяется.

–Поздравляю, военный.

–Служуэ, савэтскому союзу.

Все гогочут.

–Нихуя не понятно, что все ржут? – рядом удивленно крутит головой Чепчик.

–Советский союз давно распался. – бесцветно отвечаю я, думая о своём.

–Эй, N-ов, Чепчик! – сзади зовёт нас Тыхтамышев. -Давайте свои ремни сюда.

–Зачем?

–Ещё раз спросишь, пизда тебе будет, N-ов. Кому сказал, ремни сюда, быстро.

Снимаем ремни, даём ему.

–Обратно получите за две сотки с каждого.

–Тыхтамышев вешает наши ремни на левую руку, на которой висит ещё несколько таких же.

–Фёдоров! – гремит голос полкана.

Выходит чел старшего призыва. Ему вручают погоны.

–Служу отечеству!

–Хоть кто-то, блять, здесь, союзу не служит.-мрачно изрекает полковник.

Вечером офицеры расходятся по квартирам, устраивая праздники и совместные попойки.

На нашем этаже остался дежурный офицер, который сразу заперся в комнате лейтенантов, напился водки и уснул, глядя смешные видосы на ноутбуке, успев промямливать дежурному по роте, чтобы тот следил за порядком.

Перед отбоем, воспользовавшись тем, что большинство в туалете или в бытовке, подхожу к шконке Тыхтамышева, открываю тумбу, нахожу свой ремень, забираю его и, тревожно глядя на узкоглазых, тихо пьющих водку в конце кубрика, выхожу.

И вот, с вечера, 22-го февраля, рота предоставлена сама себе...

Ночью просыпаюсь от шума в кубрике.

Узкоглазые и черные дерутся.

Мгновенно выключаюсь. Насилие над другими уже не мешает мне спать.

Просыпаюсь от толчка.

–N-ов, тебя в сушилку зовут. – говорит Влад-дневальный, виноватым голосом.

Влад-смуглый парень, родом с южных республик, но достаточно неагрессивный.

Не знаю, почему он не скооперировался с чёрными, дабы улучшить себе жизнь, а втухает наравне с нами.

–Нафиг, не пойду, пусть сами приходят. – отворачиваюсь я.

–Они тогда меня будут бить, сказали. Если тебя не приведу. – слышу голос Влада.

Около минуты лежу.

–Ладно, всё равно достанут. – слезаю со шконки я, вздыхая.

Заходим с Владом в сушилку.

В центре стоит Отец, держа бутылку водки.

Рядом с ним шатается Дедов, Тыхтамышев, мл. сержант Г в парадке (он и заступил дежурным), Молгунов, тот, что неделями раньше привёл меня в часть, и Фахылов.

–Говорят, военный, ты совсем приборзел? – улыбается Молгунов.

–Почему?

–А ты сам не знаешь? – удивленно поднимает брови Молгунов.

Кручу головой.

–Ты чё, сука, ремень спиздил? – шипит Тыхтамышев.

Молчу.

Хули тут говорить? Аргумент, что я спиздил своё их не устроит.

–Считай в кредит взял. – Молгунов улыбается. –Будешь деньгами отдавать или отрабатывать?

Я не отвечаю.

–Чё молчишь? Как выебываться, так ты можешь, как отвечать, ты молчишь.

Отец громко рыгает.

–Ты, сука, мне подножку подставил. -ревёт он, звериными глазами глядя на меня.

–Так ты у нас залупистый? – будто даже радуется этому Молгунов.

–Нет.

–Как нет? – говорит Фаха и резко идёт ко мне.

–Тебе говорили, садись за наши столы, а ты делал вид, что не слышишь.

Он подошел вплотную.

Я съежился, но удара не последовало.

–Полтора!

Сгибаю ноги в полу-приседе.

–Значит, ты утверждаешь, что у тебя всё в порядке с дисциплиной? -спрашивает мл. сержант Г. Киваю.

–Вот, завтра и увидим. Будешь делать всё, что скажем. Если не будет косяков-может быть тебя простим, но учти, тебе придется постараться. Завтра не заставляй нас искать тебя, сразу после завтрака подходи.

–Понял? – добавляет Молгунов, видя моё молчание.

Киваю, тяжело дыша, чувствуя, как наливаются тяжестью ноги, которые и так болели после кача прошлых ночей.

–Тогда иди.

–Стой! – Дедов, шатаясь подходит ко мне. – Стой смирно.

Он подпрыгивает и в воздухе ногой пытается ударить меня в грудь, но лишь смазано попадает в плечо и мешком падает на пол.

Все гогочут, кроме меня, Влада и Отца, что пьяно смотрел куда-то в пустоту.

–Нужно сначала научиться балансом управлять. – снисходительно улыбается лежащему на полу Дедову Фахылов. –А вообще эти прыжки, вертухи-показуха. Удар с места в устойчивой поступи всегда сильнее и опаснее.

Дедов, встаёт, потирая копчик.

–Стой смирно! – орёт он мне. –Ща вертуху попробую!

Он сгибает ноги, будто собирается прыгнуть, делает кривой разворот и бросает по дуге в меня прямую ногу. Теряет равновесие на пол пути и снова падает мне под ноги.

Молгунов, мл. сержант Г, Тыхтамышев гогочут.

Отец мрачно пьяно смотрит на меня, не моргая.

–Вас всех пидарасов ебать надо.-говорит он не понятно кому.

Дедов встает.

–Заебал иди от сюда. – он разворачивает меня и отвешивает поджопник.

Выхожу из сушилки с мыслью, что лучше получить вертуху в голову, чем пинок под хвост.

Захожу в темный кубарь.

В конце, между шконок, узкоглазые кого-то прессуют.

Слышу шлепки, стоны. Залезаю на шконку.

Заходит Влад, будит Точилкина и ведёт его в сушилку.

Я засыпаю, мечтая не проснуться.

23-го нет никаких построений.

Дежурный офицер дрыхнет, ушёл или вообще умер, мы не знаем.

С самого утра в конце кубрика Дедов, Молгунов и Тыхтамышев, сдвинув табуретки, организовывают стол «для своих», полный водки и простейшей закуски.

Перед завтраком Чепчик подходит ко мне.

–N-ов, дай телефон позвонить, а то я свой сдал ротному, чтобы не отжали.

–У меня нет.

–Знаю, что есть. Ну дай, хочу маму услышать, праздник же.

–Хуй с тобой, только никому не отдавай.

Протягиваю ему тяжёлый кнопочный телефон.

После завтрака Чепчик вылавливает меня.

–Слушай, ты извини...

–Что? – я уже примерно понимаю, что случилось.

–Ко мне Алиев подошёл, спалил трубу, спросил чей это телефон. Я, чтобы он отъебался, сказал, что эта мобила старослужащего, он сказал мне позвать этого «старослужащего» в сушилку и забрал трубу. Он ждёт.

Я медленно закрываю глаза, сдерживая порыв уебать Чепчику.

–Блять, удружил. Сука, нахуя я с тобой связался.

–Ну извини.

–Да что мне твоё извини? Мне сейчас надо разгрести твою тупость, а тебе похуй.

Чепчик молчит.

–Идём.

Заходим в сушилку.

Алиев стоит с моим телефоном в руках.

Рядом Джамбеков, Исламов и Мамедов.

–N-ов.-тихо говорит Алиев. – Тут говорят, что ты старослужащий?

Смотрю ещё раз на Чепчика.

–Иди от сюда.-говорю я.

Тот даже рад сбежать и быстро покидает сушилку, хлопнув дверью.

Мне страшно. Вспоминаю, как он избивал Зайцева... Жестко, беспощадно.

Они молча на меня смотрят. Делаю вдох, медленный выдох.

–Слушай, Али. Я ему дал телефон, чтобы он позвонил семье. Я не просил говорить, что эта труба принадлежит старослужащему. Мой косяк лишь в том, что я доверился не тому человеку. В твоей власти избить меня за это или нет, я это понимаю. Потому, решать тебе.

Я смотрю Али в глаза. Я готов, что меня сейчас будут калечить, унижать или требовать выкуп за телефон.

Алиев около минуты смотрит молча на меня. Вдруг, он, ухмыляется и подходит ко мне вплотную, сует мне в руку мобилу.

–Чтобы больше такого не было.-и выходит из сушилки.

Покидаю её и я, чувствуя на себе недовольные взгляды Джамбекова, Исламова и Мамедова.

Весь этаж наполняется хаосом и ужасом.

Шагая по коридору, отовсюду слышны крики, звуки ударов, стоны.

Ко мне постоянно подсакивают сослуживцы моего призыва и просят, кто деньги, кто сигареты, которые им надо достать в течение часа.

Я стараюсь не попадаться на глаза нежелательным личностям, особенно тем, с которыми был ночной разговор в сушилке.

Моя маскировка проста – не засиживаюсь на месте больше двадцати минут, а во время перемещений делаю озадаченное лицо и быстрый шаг, будто уже нагружен кем-то и спешу это выполнить. Достаточно долго, почти до обеда, эта маскировка канала, пока не...

Захожу в бытовку. Созваниваюсь с Хлопушкой.

Разговор не клеится. Я не хочу говорить о себе, потому что кроме дерьма рассказать нечего, но и слушать о её делах не хочу, так как это причиняет мне боль. Пленному тяжело знать, что есть другая жизнь. В процессе ругани она называет меня по фамилии.

–Что N-ов? – ору я в трубку и тут в сушилку влетает дневальный.

–О, N-ов! Вот ты где! Тебя там ждут! В конце первого кубрика.

Я тяжело вздыхаю.

–Ну вот началось.

–Что началось? – спрашивает Хлопушка.

–Лучше тебе не знать. Давай пока, не знаю когда выйду на связь и выйду или вообще.-кладу трубку.

Иду с дневальным к кубрику.

–Вот! Привел! – услужливо заявил он Молгунову, пьяно-расслабленно лежащему на шконке. –Молодец, пиздуй. –отмахивается он.

Дневальный уходит.

Я стою и жду.

Молгунов будто не замечает меня. Берёт с табуретки стакан водки, выпивает.

–Ништяк, да, Илюха?-спрашивает он.

–Ага. – откуда-то сзади голос Бритнева.

Смотрю влево на соседний ряд шконок. Там пируют «восточные», между ними Отец.

–Ебать их будем. Да, эй, шлюха? -Отец громко спрашивает.

– Да...-слышу чей-то тихий дрожащий голос из-под шконки и у меня бегут мурашки по телу.

–Н-ов. Ты значит решил хуй на нас положить? – Молгунов, наконец обращается ко мне.

–Нет. Просто у меня дела были после завтрака.

Он зевает, садится на шконке.

–Нагнись, кое-что скажу тебе.

Нагибаюсь, прекрасно понимая, что будет подстава. Молгунов резко бьёт мне кулаком в пах, хватая меня за голову и три раза бьёт лбом о угол тумбочки. Отшагиваю, прижимаю ладонь ко лбу и чувствую, как меж пальцев течет что-то тёплое.

–Сел, нахуй! – говорит он мне.

Сажусь на табуретку, рядом со шконкой, на которой развалился Бритнев.

–Залупистый ты, я это чувствую. – улыбается Молгунов.

–Что-то крови много. – говорю я, чувствуя, как капли стекают уже на глаза. – Надо бы умыться, а то испачкаю...

–Пошел на хуй! – орёт резко сбоку Бритнев и бьёт меня ногой в голову.

Он садится на шконке, хватая меня, стаскивает с табуретки и прижимает к боковине шконоря.

–Вы, суки, вообще ахуели! – обдаёт перегаром меня он, глядя абсолютно мертвыми глазами.

–Э..не...

–Думаешь вам хуево? Вы даже не знаете, что с нами тут было! Вы щенки и слабаки, только ныть можете, суки, ненавижу вас!!!

На последних словах Бритнев принимается вколачивать мне в грудь тяжёлые удары. Снова и снова, пятый, десятый. Бритнев бьёт исступленно, как обезумевший. Я ощущаю, как грудь моя горит, но одновременно, чувствую, что вот-вот не выдержу и врежу ему по морде. Просто врежу так, чтобы изуродовать его пьяное деградированное от водки и злобы лицо, я почти на грани...

Ещё два удара в грудь. Я почти не выдерживаю, но тут он резко переводит на хук в челюсть и от удара я слетаю с кровати, слыша только свист в ушах.

Пытаюсь встать, но получаю удар ногой по лицу.

–Иди отсюда на хуй! – орёт Бритнев.

Встаю, выхожу из кубрика. Иду в туалет.

Прохожу по коридору мимо сослуживцев и они смотрят на меня глазами, полными ужаса.

Все моё лицо залито кровью из рассечения, а я сам... улыбаюсь, дабы не проронить лица, хотя в душе, мягко говоря кошки скребут.

-Ебать, они нас убивают. – слышу чей-то отдалённо знакомый голос.

Захожу в туалет, смотрю на своё окровавленное лицо.

-Это тебя кто? – слышу сзади голос Алиева.

-Упал, ударился о тумбочку.

-Ты мне эти сказки не говори, нет. Говори, кто?

Молчу.

Заходит Молгунов.

-N-ов, кто тебя так? – спрашивает он.

-Упал, о тумбочку ударился.

-Мда, тебе надо быть осторожнее солдат. – Молгунов идёт к кабинкам.

-Это ты? – Алиев обращается к нему..

-Да.

-Нахуя?

-А чё?

-Нахуя беспределишь?

-А твои чё беспределят? Ебать Али, я не вкуриваю, чё ты, вдруг, правильного включил?

-Ты долбаеб, раз не понимаешь. Мы-другие, а вы один народ, а ты ебашишь своих и доволен от этого. Мы ебашим ваших и тебе нормально. Узкоглазые ебашат вас-тебе похуй.

-Меня никто не ебашит. N-ов и прочие чмошники – это не я. Им полезно, сильнее станут, а кто сломается – изначально слаб.

-Ебанутый ты. Даже мы со своими молодыми так не обращаемся, заметь. Вы очень скотского отношения друг к другу. Это единственная беда ваша, а все остальное-её последствия.

Молгунов смотрит удивлённо на Алиева.

-Ты чё, Али? Иди бухни водки лучше, развёл тут философию.

-Сам иди бухай, это всё что ты можешь. – брезгливо ухмыльнулся Али, перевел взгляд на меня, вышел.

Я умыл лицо, лоб, достал кусок ткани из кармана, приготовленный для воротника, прижал ко лбу.

Выхожу из туалета, иду в бытовку, вижу Петрова со сломанным носом и решаю уйти в другое место.

Чуть позже ко мне прямо на центральном проходе подходят Бритнев и Молгунов.

-Ты ещё ремень и свои косяки не отработал.-говорит Молгунов.

-С тебя бабки.-добавляет Бритнев. – Пятьсот рублей.

– У меня нет денег.

Получаю тяжёлый удар в голову от Бритнева, падаю.

-А теперь? – уточняет Молгунов.

-Нет, что-то не появилось.

-Он ещё ёрничает.

Бритнев бьёт меня ногой по ребрам.

-Ну?

-Хоть что делайте. Ничего не получите, потому что у меня ничего нет. Я живу на другом конце страны и денег мне не присылают, да и просить не буду. Убейте, пожалуйста, просто уже меня и всё. Я правда этого хочу.

Они стоят надо мной около минуты... и молча уходят.

Встаю с пола.

Не знаю куда идти.

Везде пиздец.

Хочется просто лежать здесь, пока не затопчут.

Мимо проходит Дайнеко с пустыми глазами и полуоткрытым ртом и я вспоминаю, что это его голос звучал из под шконки, где сидел Отец с узкоглазыми.

-Отправь скорее мне, мам! Мне очень надо! – орёт в трубку Сорокин, проходя мимо.

Я иду по коридору роты, слыша боль и страдания людей, видя ужас в их глазах...

Ночью нас не будят.

Все отрубались: кто от недосыпа, кто от алкоголя.

Но меня будит другое, – желание помочиться.

Хромая, иду в туалет.

Захожу и застываю от увиденного.

Возле раковин стоит на карачках Котлованов и воет, как животное.

Над ним Джамбеков и Кабанов, своими габаритами, оправдывающий фамилию.

–Языком, я сказал, берцы мне почисти э. – орёт Джамбеков.

-А потом и хуй нам отполируй. – гогочет Кабанов.

Я застыл, чувствуя, как во мне что-то ломается.

-Да вы тут совсем ёбнулись. – вылетело у меня изо рта и они меня только заметили.

-Чо сказал, э! – Джамбеков орёт. -Ну-ка давай сюда к нему спускайся!

Кабанов двинулся на меня.

Я сделал несколько шагов назад и, глядя в глаза Кабанову, Джамбекову, Котлованову, услышал щелчок в голове, в районе висков.

Сам того не понимая до конца, неожиданно для себя, кричу и бросаю кулак в голову Кабанову.

Тот кило на двадцать меня тяжелее, но настолько не ждал от меня удара, что от моей плюхи он моментально падает на жопу в нокдауне.

Странное помутнение накрывает меня, одновременно с градом ударов от Джамбекова. Пропускаю три поставленных удара и моё тело поглощает легкость.

Я несусь на врага и мы сходимся в обоюдном размене ударами.

Он выше и крупнее меня, к тому же кандидат в мастера спорта по рукопашному бою, потому я много пропускаю и не могу дотянуться до него, за исключением пары скользящих ударов, задевших его скулу.

Но тем не менее продолжаю драться и напирать.

Начинаю плыть от полученного урона и тут же получаю удар ногой в грудь.

Теряю равновесие, спотыкаюсь обо что-то, то ли Котлованова или ногу Кабанова и падаю.

Понимая, что падение для меня означает поражение, пытаюсь перебирать ногами, но делаю только хуже: правая нога становится под неестественным углом и упав, чувствую боль в ней, даже несмотря на пыл драки.

Джамбеков окунает в меня берцы, целясь то в голову, то в корпус. К нему присоединяется Кабанов.

Пропускаю сильный удар в лицо, плыву и теряюсь.

Прихожу в себя, когда в туалете пусто.

Пытаюсь встать, забыв про ногу и тут же кричу от боли, падаю на пол, забрызганный пятнами моей крови.

Правая стопа как каменная.
Похоже, перелом.

На карачках выползаю из туалета, иногда облокачиваясь на стену и зачем-то ползу обратно в кубрик.

Дневальный смотрит на меня-ползущего, с капающей с лица кровью, глазами полными ужаса.

Примерно за час доползаю до кубрика, облокотившись на одну ногу встаю, и кое-как забираюсь в свою шконку.

На следующее утро меня, неспособного даже идти в строю, нехотя увозят в госпиталь, в травматологическое отделение.

Чему я рад, – несколько дней провести вне ада.

При этом, я понимаю, что весть о инциденте в туалете и «борзом русском срочнике» разнеслась по роте и меня ждут, чтобы сломать...

4. Травма

«Отдых» в травматологии мне многое дал.

Пока я отсыпался и читал книги, мой мозг, атрофировавшийся до примитивных мыслей о выживании, снова ожил.

Был и непримечательный эпизод, поучаствовавший в моём «пробуждении».

В отделении висел телевизор и срочникам по выходным его разрешали включать.

В мои последние выходные в "травме" ребята включают вечером ящик. Я обычно его не смотрю, предпочитая книги, но тут из-за двери, ведущей в коридор я услышал знакомый звук.

Родной, пробирающий до дрожи, как свист кипящего чайника дома, когда ещё молодая мама заваривает кофе.

Выхожу в коридор.

По телевизору идёт «Властелин Колец», первая часть.

Маленький человечек, оказавшись под давлением Искушения, идёт ради Высшей цели. Кругом орки, ненавидящие всё вокруг, думающие только о еде и войне, а он идёт...

–Давай другое включим? – спрашивает Бабкин, – тип из деревни, на протяжении всего своего пребывания здесь рассказывающий однотипные истории про пьянки в своём колхозе.

–Оставьте, я хочу посмотреть. –влезая я.

–А я не хочу. – поддерживает Бабкина Котов и переключает.

На другом канале идёт «Трансформеры».

–О, норм, это оставь!

Я недоуменно смотрю на них.

–Вы правда хотите больше смотреть это, чем «Властелин Колец»? – удивляюсь я.

Те смотрят на меня, как на дауна.

–Да, крутой же фильм и тёлочка там ничёшная.

Иду обратно в палату и... разворачиваюсь, бегу к дежурному врачу, не ожидая от себя этого...

Сажу в кабинете военного врача и вместе с ним смотрим Властелин Колец.

Молча, без комментариев.

Мельком смотрю на него, ему тоже интересно.

Боромир погибает в бою с полчищами врагов.

Самый проработанный персонаж в фильме: не идеальный, со своими слабостями, страхами, надеждами и погибший, как настоящий воин. Уверен, так в душе мечтает уйти с этого мира каждый мальчишка, поражая врагов своей стойкостью, крича от ярости и сгибаясь от ран, ради чего-то Большого...

Фильм, с первого просмотра засевший в моём сердце, снова растормошил меня. Он напомнил мне, кто я. Нельзя превращаться в то, что из тебя лепят обстоятельства. Просто нельзя этого делать...

После этого, ребята с отделения в шутку прозвали меня «Фрод».

–Эй, Фрод, волосатые пятки, когда в Мордор? – в шутку спрашивает Котов.

Смотрю на календарь.

Воскресенье.

Выписки по понедельникам.

–Уже скоро...

5. Краткое пособие по началу и подавлению бунтов для чайников

По приезду в часть, меня сразу отвезли в парк, где находилась моя рота.

Здесь, каждый взвод тусит на своей территории обособлено от остальных, потому, оказавшись наедине со своим небольшим взводом я тут-же принялся подбивать ребят к сопротивлению.

Я прекрасно понял, что одному противостоять нет смысла, учитывая, что я даже двоих не вывез той ночью в туалете, а в роте их больше пол сотни человек.

Да, нас столько же примерно. С той разницей, что мы разобщены и никто не хочет рисковать. Поймав момент, начинаю подбивать на революцию двоих русских ребят моего призыва: Смирнова, достаточно крепкого спортивного парня, в прошлом кикбоксера и Тимоху.

Мы на улице, ждем машину, чтобы с парка поехать обратно в роту.

–Вместе мы сила, порознь – нас угасят. Давайте забьёмся, что втроём будем сопротивляться. Делать так же, как они: если меня будет кто-то бить – я должен сразу рубиться в ответ, а вы если будете рядом, тут же влететь мне на помощь и валить всех. То же самое с любым

из вас. Важное условие – ебашиться до конца. Если даже любой из нас окажется один – все равно давать сдачи. Суть нашего договора – защищать себя по-любому и вторых участников договора. Безоговорочно, без оправданий, при любых условиях – ебащимся до последнего за себя и друг друга.

–Давай, похуй, отмашемся. – кивает Смирнов.

Нравится мне этот парень, крепкий, уверенный. Побольше бы таких ребят нашей стране, вмиг навели бы порядок.

–Бля, их куча. – Тимоха неуверенно смотрит на нас. – На нас сразу десяток навалится, а то и больше.

–Чмо. – брезгливо морщится Смирнов.

Тимоха смотрит на него недовольно, но огрызнуться поостерегся.

–Слушай, нас так и так уроют. – говорю я. –Сколько ты ещё сможешь терпеть? Неделю, две? Месяц? Насколько тебя ещё хватит? Давай, решайся.

–Нас разьебут и всё.

–Нет, нас разьебут первый раз, может быть, но мы подадим пример. Любая Система работает, пока все винтики одинаковые и действуют по заданному алгоритму. Если один винтик перестаёт делать то, что нужно, то остальные своим большинством давят на него и он либо деформируется и продолжает работать, либо вылетает и его заменяют. Но если рядом стоящие с ним винтики начнут в другую сторону крутить, другим будет тяжелее деформировать их или вывести из строя и тогда...может перестать работать система.

–Боже, N-ов, не неси этой философской хуеты, меня бесит, когда ты так говорить начинаешь. – морщится Тимоха.

–Да хули ты ему объясняешь. – яростно восклицает Смирнов, брезгливо глядя на Тимоху. –Видишь же, что ему похуй, да, сука? Чмо, он и есть чмо.

–Тимоха. Тебе страшно. – продолжаю я. –Мне ещё страшнее. Блять, Тимоха, я в ужасе на самом деле от того, что может начаться. Но ещё страшнее жить так и никуда не сделать. Кто мы, сука, если утрёмся и смиримся? Как мы в будущем посмотрим в глаза своим детям, когда они появятся?

–Ладно...

–... мы им скажем, сын, в армии я был тише воды, ниже травы, потому что их боооольше, а...

–Ладно, только заткнись! – Тимоха поднял глаза. –Похуй уже, заебали они меня в край на самом деле. Давайте, я в теме.

–Как мушкетёры, бля. Один за всех и все за одного. – лыбится Смирнов и говорит Тимохе. –Смотри, бля, чтобы не было «один за всех, и все на одного!»

Он вытягивает кулак вперёд и мы рукой обхватываем его.

Лыбимся, смотрим друг на друга. Немного смущенно, виновато и... благодарно.

В условиях нашей службы долго ждать первого испытания нашей верности договору не пришлось.

Едва наша рота приехала с парка, как через минут пятнадцать объявили построение.

Все 120 тел построились, офицера нет.

Как обычно южане и «старшие», стоящие во втором ряду, прислонившись к стене, начали с лентой пиздить впереди стоящих «молодых».

Я скручен, как пружина и жду, когда и до меня доедутся.

Сзади стоит Мухамедьянов и ради хохмы он ебашит мне в почку.

-Вернулся, проебщик? Ночью тебе пизда. – шепчет он мне.

Оборачиваюсь.

-Пошел на хуй. – жестко говорю я, чувствуя, как поднимается адреналин. -Ещё раз меня ударишь сзади, я тебе так переебу, что дураком останешься.

Он на миг застывает от такого заявления, зато быстро отреагировали его соплеменники.

Сбоку в меня прилетает удар, сопровождаемый хрипло-рычащими проклятиями на чужом наречии.

Перед глазами сверкнуло, выскакиваю на «взлетку».

-Ну давайте пидоры!!! – ору не своим полу-истеричным голосом.

Из строя на меня вываливается человек 7-8, среди них и русские старшего призыва.

За секунду до столкновения бросаю взгляд на другой конец построения, в поисках моих новых «военных союзников», но ничего не успеваю увидеть.

Начинается рубка, бросаю удары. Кому-то попадаю, но чаще прилетает мне.

Не имея тогда ещё боксерской техники, но всё же понимая, что стоять на месте идея не из лучших, подседаю, качаю корпусом, бросаю наотмашь удары снизу и сбоку. Почти проканалю, нехило роняю Сабирова – южанина, посадившего на долги почти всех русских с младшего призыва.

Но меня быстро просчитали и кто-то просто уябывает мне берцем прямо в голову в тот момент, когда я бросаю размашистый удар Морозову.

Щелчок на всю голову.

В глазах салют, в ногах вата.

Огни перед глазами проходят и вижу, что меня топчут.

Между ног бьющих меня вижу лицо Тимохи.

Он стоит в строю и смотрит прямо перед собой, будто была команда «смирно»..

Чуть поодаль от него вижу Смирнова, который так же отмахивается на другом конце «взлётки» против толпы.

Я уже гасну, пропустив пару пинков в голову, как раздается грозный пьяный вой.

-Все съебались в ужасе в строй!!!

Застучали галопом по полу берцы.

-Тибе писдец, тибя ипать сдес типерь будут! – шипит что-то в ухо.

Встряхиваю головой, все уже в строю.

Смирнов так же стоит на другом конце построения с полными ярости глазами и ссади-нами на лице. Возле меня вечно бухой старшина.

Тот, как обычно, для виду спросил, что случилось.

Я как обычно сказал, что упал, а кто мне в этом помог, не видел.

Как всегда шакала это удовлетворило и я встал в строй, сопровождаемый подъёмками старшины.

-Ад для тебя теперь только начинается. – шепчет мне в ухо Муххамедьянов.

И он прав.

Я зажимаю глаза и прошу Вселенную дать мне сил, если уж не победить, то хотя бы не сломаться...

5.1 Первый круг. Испытание болью

После того неудачного бунта, начался мой первый круг ада.

Следующие три дня меня избивают где попало, в самых неожиданных местах и время.

Первый раз толпой накрывают на камбузе, точнее в раздевалке. Она представляет собой тесную каморку, которая габаритами рассчитана на 30 человек, но никак не на роту в сотню тел.

Из-за этого перед каждым приёмом пищи в раздевалке начинается библейское столпотворение. Все толкаются, орут, матерятся, даже бывают драки.

В такой момент и накрыли меня.

Толкучка, ругань, кругом лысые тела в военной форме.

Удар в затылок, тут же в позвоночник. Я пытаюсь обернуться, но из-за плотности тел сделать это сложно. Пока разворачиваюсь и вытаскиваю руки в верх, на меня уже ото всюду сыпятся удары. Рассмотреть нападающих не получается, так как вокруг везде мелькают тела в военной форме.

Взбесился, роняю бушлат и ебашу вслепую всех подряд.

–Ты что ахуел, я тебя трогал?! – орёт кто-то рядом и количество летящих в меня ударов увеличилось.

Снова пропускаю в затылок, падаю меж тел и растягиваюсь на полу.

Меня топчут.

Кто-то спотыкается о мое тело и накрывает меня своей тушей.

Это жирный Филатов. Даже эта служба не помогает ему скинуть более пяти килограмм. Он навалился всей своей тяжёлой массой, но это меня спасает. Удары прекращаются. Фил встает, когда толпа выходит. Ворчит, какого хуя я разлегся (странный вопрос, у всех же было желание просто лечь на полу в тесной раздевалке) и уходит.

Я встаю, поднимаю бушлат, вешаю его и... получаю бешеный удар в затылок. Все гаснет, я врезаюсь лицом в вешалки.

Меня подсекают и топчут.

Встряхиваю головой, когда раздевалка уже пуста.

Еле встаю, иду, шатаюсь в обеденный зал, вижу свою убанскую роту, которую ненавижу.

Все уже закончили жрать и вываливаются мне на встречу.

Сколько я провалялся?

Разворачиваюсь обратно.

Жду, прижавшись к стене, когда все заберут свои бушлаты, захожу последним, забираю свой... Чуть погода на меня сзади налетят в сушилке и впятером избыют.

Ещё немногим позже-в туалете, в разгар дня, когда пойду просто простирнуть рукав формы.

Налетели так же сзади, уработали мобом, среди которых и южане и русские.

Сквозь туман вижу, как меня за ноги тащат к самим очкам.

—Сека! — кто-то шипит и меня бросают на пол пути.

В таком режиме я живу трое суток.

Естественно, при нападениях на таких условиях, никакой навык драться и опыт единоборств мне не помогает.

Разговоры о том, что надо их ловить по одному и гасить, так же считаю бессмысленными. До того, как столкнуться с такой абсолютной системой жестокости, я думал, что в таких ситуациях все просто-поймал по одному, зарубил и отстанут... Или как в «Грозовых воротах» — прижал кусок стекла к одному из них и они испугались. Но это оказались детские мои фантазии, не имеющие реальной основы.

Уже после двух таких налетов от физиухи не остается ничего. Голова хронически кружится, тошнота, хромота, боль в рёбрах от любого резкого движения... Разбитые руки не позволяют кулакам полностью сжаться, а опухшее ебало и отёкшие брови мешают поймать и без того кривой из-за головокружения фокус. В таком состоянии я не то что толпе, одному уже не мог отпор дать. Но всё равно махался как мог при каждой атаке, но качество такой самообороны было убогим и почти не представляло сильной угрозы.

На третий день таких засад я представляю собой жалкое зрелище.

Кроме физической разнёбанности, на которую шакалы не обращают внимания (или обращают с дежурным вопросом «солдат что за хуйня с тобой приключилась» и удовлетворялись моим ответом, что я ебнулся с Камаза), появились и проблемы с психикой: в какой-то момент я дошёл до кондиции, когда боюсь любого шороха сзади.

Как-то я залип в бытовке даже без всяких мыслей, стоя над столиком с утюгом. Слышу сзади шаги. Дергаюсь, резким прыжком отскакиваю назад и луплю воздух. Передо мной стоит дневальный моего призыва.

—Можешь ненадолго выйти? Мне тут подмести надо...

Я вышел.

В конце третьего дня ко мне подходит младший сержант Г.

Он один из интеллигентных пидарасов, которые отличаются очень вежливой манерой разговаривать (которая, кстати, позже даст сбой с моей подачи, но это потом), прямой осанкой, вежливо-дежурной улыбкой, аристократическими манерами. Словом, мутила тот ещё.

—Ты грустно выглядишь, солдат. С тобой что-то очень плохое происходит.

-Аллергия...

-На что?

-На вас-хуесосов.

-Понимаю,-участливо улыбается мл. сержант Г. – Но ты можешь все прекратить. Прямо сейчас. Просто будь как все.

-Как ты или эти ахуевшие я в жизни не захочу быть.

-Ты уверен? Тебе лучше хорошо подумать. Не ты один здесь пытался повторить подвиг Че Гевары. Думаешь то, что с тобой произошло это плохо? Дальше будет хуже...

-Хуже чем тебе, выродку, мне уже не будет.-разворачиваюсь ухожу.

Я трясусь от адреналина и мне страшно, но как говорил Цезарь: «Жребий брошен».

-Здесь, ты очень заблуждаешься... Мы только начали. -слышу вслед.

5.2 Второй круг. Испытание невзгодами

На следующий день, сразу после разговора с мл. сержантом Г, нападения, вдруг, прекратились.

Но легче от этого не стало.

У меня начали пропадать вещи первой необходимости в армии.

С бушлата хронически срезали шевроны, за отсутствие которых даже самые распиздяйские офицеры не упускали возможность тебя обосрать прилюдно и запрячь в наряд.

Пропадали тапки. Это нарушение формы. Когда идёт вечернее построение, все должны выходить в уставных тапках, и если ты выйдешь без них – построение будет стоять, пока не найдешь.

Денег у меня нет и купить потерянное я не могу...

Проблемы сыпятся гурьбой. За нарушение формы и недокомплект меня постоянно ставят дневальным.

-Тебя государство содержит, урод, а ты проебал его имущество! – скандирует прапорщик Негов, делая вид, что сам себе харю в 120 кг отъел не на этом же самом имуществе.

Мл сержант Г, прямо в строю, не стесняясь прапора советует мне занять денег, дабы купить пропавшее и восстановить форму.

Естественно деньги в роте водятся только у старшего призыва и у представителей дружеских республик. От этого, мл. сержант прилюдно мной послан на хуй, за что я тут же получаю очередную наряд дневального.

Расскажу для тех, кому повезло не узнать, что такое быть дневальным: это когда ты сутки стоишь на тумбочке (специальная стойка возле входа в роту) и орёшь не своим голосом команды отданные офицерами и дежурным по роте, каждые два часа сменяясь на то, чтобы ходить с веником, тряпкой, шваброй и убираться в роте (чаще всего туалет и сушилку). Есть ещё ряд дополнительных заебов, значительно усложняющих жизнь дневального, но не суть.

В итоге я заступаю на третьи сутки подряд, затем четвёртые.

В какой-то миг из-за хронического недосыпа я перестаю правильно воспринимать реальность.

Зрение исказилось. Люди стали походить на картонные манекены, диалоги на титры в кино с Чаплиным... я словно вижу, что говорят, а не слышу. Странное и интересное состояние...

Отойду немного от темы и добавлю, что психиатрами всегда изучалась такая методика лечения шизофрении и наркомании, путём депривации сна. Справедливости ради добавлю, что многие страны мира, участвуя в войнах, таким же методом пытали пленных, так что ощущения сомнительные.

В какой-то момент я настолько тупею и теряю чувствительность, что не сразу понимаю, если меня все таки кто-то бьёт.

Мне даже почти не больно, лишь слегка встряхивается апатичное сознание, напоминая, что ещё рано отключаться от этого мира.

Я засыпаю буквально везде, в любой позе, даже стоя, как ёбаная цапля.

Эмоции исчезли.

Я больше не чувствую, ни злости, ни страха, ни боли, ни тоски по дому.

Вообще ничего.

Я стал просто биооболочкой, созданной, чтобы служить этой системе, пока не иссякну...
Удар?

Показалось.

Опять удар.

Встряхиваю головой и вижу м сержанта Г.

-Ты там внутри ещё остался? – насмешливо-удивленно смотрит на меня.

-А ты в себе когда-нибудь был? – не думая отвечаю, лишь жду момента, чтобы поскорее закончить диалог и снова сознанием уйти куда-то.

-Ты можешь всё прекратить. Тобой офицеры недовольны, ты вечно косячишь, все проявляешься. Ты знаешь, что всего этого могло бы и не быть, солдат?

Боже, что он доебался до меня, неужели ему интересен этот разговор.

-Эй!!! Ты здесь?! – зовет меня он, видя, что я снова «залип».

-Не уверен.

-В чём?

-В том я здесь.

-Одумайся, солдат. Ты не вечен. Будешь выполнять приказы?

-Я буду выполнять приказы офицеров по уставу, старших по званию, но я не буду кланяться у мамы деньги на ваши пьянки и для нерусей... Я не буду носить вам чай, и стирать ваши шмотки, все что я смогу, это только выебать ваших жен, когда они у вас появятся... и когда выплусь...

Надо же. Самый длинный мой монолог за последние недели....

Мл. сержант Г улыбается, но натянуто.

-Хорошо, удачи в твоём незавидном будущем...

Чуть позже, дневальный (мой напарник, что стоял на тумбочке), визжит о построении.

Выходит бухой лейтенант и, матерясь через слово, объявляет, что сейчас будет досмотр личных ящиков на наличие порядка и сержанты в этом помогут.

Строй рассыпается, все бегут прятать контрабанду разной масти.

Я медленно иду к своей шконке-у меня всегда порядок и ничего левого я не держу.

Вваливается Синельников, – отбитый наглухо контрабас, имеющий несколько контузий после чеченских войн, разжалованный до сержанта и отправленный служить в эти ебенья, за неисправимо гребанутое поведение и тягу к насилию.

Его ебло все в шрамах, он говорит только криком и никогда не улыбается.

Если большинство вокруг через слово вставляют мат, то он, общаясь со срочниками, через слово вставляет удар.

Сила удара зависит от настроения и хода беседы. Ударил в грудь, значит он доволен тобой. В голову – чего-то хочет от тебя.

Синельников влетает как обычно и «взрывает» весь кубрик.

Первую осмотренную тумбочку он разъябывает о пол за то, что мыло лежало не по уставу, не забыв разбить и лицо её владельцу.

В целом, никого почти не оставляя без пиздюлей, он обходит кубарь, везде находя до чего доебаться.

Пока идёт очередь до меня, решаю все таки мельком осмотреть свою тумбу.

Поправляю мыльницу и что-то слышу там...

Открываю...и вижу кучу патронов, которые забили футляр почти до отказа.

Первая эмоция за неделю, круто.

Даже адреналин подскочил.

Лихорадочно смотрю по сторонам, смотрю на Синельникова.

Тот уже крошит соседа по шконке.

У меня остались секунды.

Не успею скинуть патроны, потому просто запикиваю их в рукав кителя. Поправляю мыльницу, закрываю дверцу.

Синельников подходит, осматривает тумбу...

Подставляет свое лицо ко мне и упирается взглядом. Я смотрю в его сумасшедшие глаза с лопнувшими капиллярами. Он безумен.

-Из вас, свиней, только единицы здесь знают что такое порядок. – тихо говорит он, обдав меня перегаром и идёт дальше.

Вскоре он закончил осмотр, разьебав примерно 30 из 50 человек в кубрике и пошел во второй. Все принялись чинить тумбочки и ёбла.

-Порядок тут навидыте э! – командует Джамбеков и удаляется с товарищами по цвету лица.

За ними из кубаря отчисляется и старший призыв.

Во мне что-то щёлкнуло.

Синельников будто «разбудил» меня.

Воспользовавшись суетой восстановления погромов, иду в конец кубаря и скидываю патроны в тумбочки старшему призыву и южанам, кому сколько хватило. Особенно не забыл про мл. сержанта Г, закинув ему два патрона: один в висячую на плечиках парадку, другой в чехол для ниток и иголок (этот интеллигент его отдельно купил в чепке).

Позже, вечером, я узнаю, что контрабасы нашли у одного из южан патрон и знатно отмудохали его до состояния, требующего госпитализации.

Идея.

Вырываю листок бумаги, пишу большими печатными буквами «Чёрные и узкоглазые пиздят оружие и патроны». Делаю несколько таких листков. Один просовываю под запёртую

дверь командира роты, два других скидываю без палева позже в офицерской столовой, где жрёт командир полка.

На следующий день объявили всеобщий шмон на плацу среди всего личного состава полка.

Перед выходом, осматриваю свои вещи и тумбу-снова нахожу там патроны.

Улыбаюсь, скидываю их под доску в полу и бегу на построение.

Шмон на плацу и позже, в тумбочках, многое дал: патроны нашли почти у каждого из не русских не только в нашей роте, но и во всех остальных в полку.

Но это пол дела: кроме патронов были изъяты ножи, заточки, финки, столовые ложки.

Полкан, будучи алкоголиком, но очень вспыльчивым, не стал церемониться и начал политику «русификации» полка, поклявшись, что, как он сказал дословно: со следующего призыва «этого говна» возьмёт гораздо меньше на службу.

Вскоре, подавляющая часть узкоглазых покинула полк-большинство перевели в другие части...

Той же ночью меня поднимают двое.

Бритнев и Джамбеков.

Молча отводят в сортир и без слов начали бить.

Успеваю въебать Бритневу, но удар не вышел и меня сразу стелят на пол...

...меня били, приводили в чувство, заставляли встать и снова били.

Очнулся под утро, с запекшейся кровью на лице, затекшим глазом, рядом с очками.

Мне почти не больно, разве что в голове стоит странный свист, а тело, как каменное.

Умываюсь, хромаю в кубрик.

Встречает м. сержант Г.

-Ты зря это.

-Согласен, в этой роте смывать кровь с ебла уже бессмысленно.

-Ты думаешь, что лучше всех? Ты теперь даже не представляешь, что с тобой теперь будет...

-Разрешите хромать в кубрик?

-Съебись с глаз...

Я улыбнулся, но не сильно из-за окаменелой челюсти и пошел спать.

Забираюсь на шконку без сил, испытываю вспышку боли в разбитом теле, тыкаюсь лицом в подушку.

Заснуть сразу не получается. Неожиданно становится тяжело дышать и чувствую что-то сырое на подушке.

Наверное, кровь опять потекла...

5.3 Третий круг. Испытание одиночеством

Я не сразу понял, что со мной что-то не так (кроме того, что я попал служить в такую жопу).

Трудно заметить что тело разваливается, когда почти не спишь и постоянно подвергаешься нападениям.

За последние дни я привык к боли настолько, что почти не замечаю её, привыкнув дышать ей, как кислородом.

Пока в моём теле разрастались разрушительные процессы, испытание проблемами мимикрировало в попытку одиночеством.

Следующей ночью меня будит мл. сержант Кр. – алкоголик из деревни, тощий и озлобленный.

Сжимаюсь, готовлюсь защищаться, но меня никто не бьёт.

В кубрике что-то происходит.

Мл. сержант Кр. отходит, улыбаясь как пятиклассник, которому показали сиськи.

Спрыгиваю со шконки. Нога отдаёт болью, но на адреналине и по привычке не обращаю внимания.

На «взлётке» кубаря, между шконками вижу несколько десятков ребят своего призыва. Они лежат в упоре лежа. Некоторые лицом в пол, другие, глядя на меня. У нескольких парней свежеразбитые лица и вид весьма заёбанный.

Вокруг этой «человеческой многоножки» вальяжно расхаживают южане и пидоры из старшего призыва.

-Ну что, солдат? Гляди, что ты натворил...-бубнит Отец.

-Посмотрите на него. – как греческий оратор заявляет мл. сержант Г.

-Н-ов считает себя лучше вас. Пока вы летаете тут, делаете все, что от вас требуют, он вас ни во что не ставит, считая, что вы достойны этой работы, а он нет. Продолжайте отжиматься, не отвлекайтесь.

Ёбла страдальцев поворачиваются ко мне, и я вижу десятки глаз, желающих мне смерти.

-Встать!

Парни встают. Мл. сержант Кр, как обычно обходит весь ряд и каждому подряд бьёт лбом в нос. Он это любит делать по пьяни. Раздаются охи, всхлипы, брызгает кровь.

-Что скажешь, N-ов? – лениво спрашивает Отец.

Пожимаю плечами.

-Я тут ни при чём.

-Ещё как при чём. Если ты вошёл в роль того, кто ставит себя выше других, то должен соответствовать своей позиции. – влезает мл. сержант Г.

–Но ты можешь все исправить.

Мне тяжело.

Никто из лежащих на полу не были моими друзьями, но человек – существо социальное и врать, что мне легко, хоть даже «друзья по несчастью» меня ненавидят, не просто.

Выдыхаю.

-Если бы я сейчас один отжимался и получал пизды, они бы все мирно спали. Так почему мне надо переживать за них?

С этими словами я резко разворачиваюсь и под мат и угрозы, летящие мне в спину возвращаюсь в свою шконку.

Засыпаю я под стоны, охи, и вздохи и даже плачь.

Просыпаюсь от вопля о подъёме.

Спрыгиваю, ногу пронзает боль, и я втыкаюсь лицом в шконку соседа.

Точилкин – владелец кровати смотрит на меня пустыми глазами, зажавшими распухший от удара нос и продолжает одеваться.

Все вокруг заёбаны: кто-то качем и побоями, кто-то пьянкой и недосыпом.

Некоторые из ребят моего призыва смотрят на меня с ненавистью.

-Блять, чё голова так болит. – мычит мл. сержант Кр. и потирает шишку на лобешнике.

Я заметно сильнее хромаю, чем вчера.

Чуть позже, зайдя в кубарь, вижу сцену: собрались почти все местные обитатели. В центре внимания Отец и Джамбеков

-У Тихонова кто-то спиздил телефон. Мы не потерпим крысу в нашем коллективе.

Улыбаюсь формулировке «нашем коллективе».

Звериный взгляд Отца втыкается в меня, в аккурат во время улыбки.

-N-ова ещё не проверяли. Ходит, как дура деревенская лыбится.

Джамбеков что-то гавкнул и двое чурок ринулись к моей тумбе.

-Шакаль сыюка, э! – раздается крик и у одного из них вижу в руке мобилу.

-Так ты, N-ов, у нас крыса.

Я нервно улыбаюсь.

-Ну здесь же все всё понимают...

-Здесь все понимают, что ты давно на всех болт положил, а теперь ещё и ворует. Таких как ты ебать надо и в параше гноить. – чеканит Отец.

Тихонов стоит рядом, опустив ебальник в пол. Стыдливо принимает телефон у южан, что шмонали мою тумбу.

-Карочэ! С этого дня N-ов, крыса! Кто с нимэ будэт дружит, общацца, тот сам станэт крысой. А кто активно буйт ему пэздулей дават, тот лучше жит буйт! Выбор за вами!-высрал Джамбеков и глянул на меня.

Молчу, выхожу из кубрика.

Все понимали, что это подстава, но ослушаться никто не мог, дабы не попасть под пресс.

Хотя были и те, кто активно выслуживался.

-Ну что, крысёныш, как ты? Жду не дождусь, когда уже в жопу выебут! – прогнусавил мне в ухо Бирюков как-то в строю, когда мы шли со столовой.

Он нашего призыва и русский. Приехав в часть, сразу начал клянчить у богатых родителей бабки и славно осыпал весь старший призыв и «интернационал» бабками, за что получил условную лояльность.

-Странные у тебя желания, Бирюков. Но если хочешь, то попроси кого-нибудь, может тебя-то выебут. – тускло отвечаю, думая о стопе, которая никак не проходит, безуспешно пытаюсь «поймать ногу» впереди идущего.

-Я про тебя, пидор!

-Я тебя тоже не выебу, извини.

-Ты ахуел, крыса! Щас придем, мы с тобой поговорим.

Дошли. Строй разьебался, Бирюков подходит ко мне.

-Ты же приговорен уже, знаешь ведь?

-Это ты приговорен. Когда-нибудь они уедут и мы вернемся с тобой к этому разговору и от меня ты не откупишься никакими бабками, что за твою жирную жопу надоила твоя мама.

-Ах ты мою маму трогаешь!!!-визжит Бирюков и идёт на сближение, но не бьёт.

Я не дёргаюсь, лишь устало на него смотрю.

-Твою маму когда-то трогал твой папа и именно поэтому ты сейчас стоишь передо мной и ведёшь себя так...-ухожу в роту, не слушая дальше его дебильный монолог.

Шли дни.

Те, кто хотели получить лояльность со стороны южных и старшего призыва, начали активно при них пытаться меня щемить.

Сеня – быдловатый чел, моего призыва, активно используя феню, вечно при Джамбекове, начинал пиздеть о том, что в его кругах на гражданке с такими как я делали.

Сорокин, явно, пытаюсь услужить «власти», прилюдно пнул мне как-то под зад и что-то сказал про крысу. Вкладываюсь как могу и ебашу ему в голову двойку.

Удар левой залетает в зубы (шрам на пальце от этого удара останется на всю жизнь у меня). Чувствую хруст. Сорока падает на «взлётку» и с ревом выплевывает кровь с зубами.

Пиная его, но тут же падаю рядом. Нога взорвалась от боли.

На меня не нападают, никто впрягаться за «подлизу» не считает нужным. Лишь Алиев, ставший свидетелем этого, странно на меня посмотрел и пошел дальше по коридору.

Подходит мл. сержант Г.

-Ты должен денег нам за украденный телефон.

-Мы оба знаем, что я его не крал, к тому же телефон не твой, а Тихонова.

-Да, но свой поступок ты должен искупить перед всеми и должен нам денег. С тебя солдат, тысячу. Каждую неделю. Очень жаль, что ты так низко пал.

-Боюсь, придётся вам обращаться к судебным приставам.

Мл. сержант Г вспыхивает, что я вижу первый раз:

-Ты чё ахуел? Ты совсем ебанутый?! Тебе пиздец, выродок. Все! Заебал ты нас. Мы тебя узкоглазым продаём или чёрным. За бутылку водки. Сегодня же! Готовь жопу, выродок!!! Я тебе давал миллион шансов, чтобы до этого не дошло!!!

Он уходит куда-то, а я просто сажусь на пол.

По спине бегут мурашки от ужаса.

Тем временем мне становилось все тяжелее, а вскоре нога перестала влезать в берцы.

Я всё легче зашнуровывал ботинок, пока не дошло до того, что я начал шнурки просовывать не в каждый ряд, а через.

Ходить нормально больше не получалось.

В день разговора с мл. сержантом Г, буквально чуть позже мы идём в столовую.

Я шагаю не в ногу, т.к. не могу.

На строй орёт лейтенант, который по пьяни не может понять, с кого начинается косяк.

Сзади кто-то пинает меня по стопам, я охаю и падаю, тыкаясь ёблом в чью-то спину.

-Стоять, суки! – орёт летёха, который явно давно не дрович.

Он идёт ко мне.

-Ты что боец, тихий час поймал? Встань!

-Не могу, у меня нога...

-А у меня хер не стоит, потому что вместо баб я ваши уродливые ороочи ёбла вижу!

Я уже не думаю о ноге. Меня продали. Мне ночью пиздец...

-Ну, тварищ лейтенант, у кого-то же здесь встает на мужиков,-смотрю на одного узкоглазого, стоящего рядом. -Так и вы попробуйте...

Мимо проходят роты на обед и все глазают, как лейтенант меня пинает. Бьёт слабо и неумело, пару раз чуть сам не ёбнулся.

-Лейтенант нахуй! – раздаётся грозный голос рядом.

Летёха застывает.

Это майор Р. с нашей роты.

Не пьющий, не бьющий срочников, майор, который, заступая дежурным нам в роту, каждый час заходит ночью в кубрик, чтобы проверить-не избивают ли молодых ребят.

-Лейтенант, ты в каком виде? – смотрит он жестко на офицера.

-Тварищ, майор, рядовой хамит, нарушает дисц...

-Я спрашиваю, в каком, ты виде, лейтенант?-громче повторил майор Р. -Ты-русский офицер и должен подавать пример солдатам. Ты пьяный, не уравновешенный, злой и слабый. Что бы он не сделал, это твоё упущение, что нет дисциплины. А нет её, потому что такого офицера как ты никто слушать не будет.

-Я.. эм... винов...

-Вставай, сынок.-говорит майор мне.

-Не могу, товарищ майор. Нога...

-Что с ногой? Покажи.

Снимаю берцы, показываю красную сухую стопу, опухшую настолько, что мизинец и безымянный почти исчезли.

-Ведите его обратно, вызывайте санчасть. Лейтенант, из-за вас, мальчишка мог лишиться ноги. Обратно в роту его и в санчасть, быстро!

Хороший он мужик был. Не раз впрягался за молодых и русских. Всегда трезвый. Настоящий офицер. Потом, через полгода его перевели в другую часть.

Стою возле тумбочки дневального, прислонившись к стене.

Жду типа из санчасти полка.

-Лишь бы не в санчасть, а в госпиталь. – говорит Чепчик, что заступил дневальным.

-А чё?

-Там хуже, чем здесь. Три палаты по десять коек, семь из которых заняты «китайцами» и «кабардой». Кто из младшего призыва из русских попадает туда, попадают в рабство. Порой и сексуальное. Там двух пацанов со второй роты выебли, суки. Они же так Смирнова и довели, что-то с ним сделали, что он по «восьмёрке» съехал.

Меня как током ударило. Я совсем забыл о Смирнове. Он же тоже тогда махался со мной...

-Смирнов? Съехал? Через дурку?

-А ты, блять, не знал? Он после того махача был так урыт ночью, что попал в санчасть, там с ним что-то сделали, что его оттуда через дурку и повезли комиссоваться. Короче, молись, чтобы не в санчасть. В нашем госпитале тоже чертей полно, но там хотя бы дежурные офицеры есть... И медсёстры. А в санчасть лучше не ложиться.

Дверь открывается, заходит Рыжий-заведующий санчасти, – тряпка, молодой контрактник, который по первому требованию даёт отпуска в санчасть всем нерусям, кто потребует.

-Что у тебя? Показывай.

Снимаю ботинок.

Рыжий осматривает недолго.

-Рожа.-ставит диагноз он.

-А?

-Инфекция в ноге, собирайся.
Хромаю за Рыжим и думаю о Смирнове.

Пока я переживал только о себе, его ломали, как и меня.

А я даже не знал. Он для меня был символом силы. Я считал его сильнее, смелее себя и когда такие люди сдаются, ты почему-то сам перестаёшь в себя верить, и что победа вообще возможна...

Но мысли о Смирнове постепенно вытиснились другой проблемой.

Я шёл за Рыжим, и думал, куда попаду, в санчасть или госпиталь...

6. Инфекция

Езда в буханке по разъезженной дороге – это отдельный вид удовольствия.

Всегда, как ребенок радуюсь этим «русским горкам». Однако, с ногой, которая почти не влезает в ботинок, удовольствие превратилось в пытку, которую я стоически перенёс, радуясь, что не оставили в санчасти.

Со мной едет пацан, у которого грибок сожрал обе ноги, оставив на стопах лишь гниющее мясо.

Но это не мешало ему сидеть с достаточно хорошим настроением и смотреть на меня. Челу явно хочется поговорить.

-Два дня продержали в санчасти суки, только сейчас повезли.

-А что у тебя с ногами-то?

-Гриб сожрал.

-Ты чё, их не мыл?

-Нет, зачем? Если бы я регулярно их мыл, то не оказался здесь и не ехал бы отдыхать в госпиталь, а получал бы пиздюлей в роте.

-Зачем так запустил сильно, вдруг, у тебя уже кости там гниют?

-Да чтобы наверняка. Сам знаешь, если попросишься к медику, то сразу все будут считать, что ты косишь и съебаться хочешь, проходу давать не будут. А если Рыжий решит, что твоя болячка ерунда, то ты либо в роту вернёшься, либо в санчасти осядешь для профилактики. Ещё неизвестно, что хуже.

Молчу, смотрю в окно. Слушать про тот треш, откуда я временно съебался больше не хочется.

-Я даже два раза таблетку с хлоркой хавал. Ну чтобы язва открылась и меня комиссовали. Но хуй знает, после первой ничего не почувствовал, только просрался, после второй ещё поблевал, но живот даже не болел почти. Сильный он у меня, похоже.

Тип смотрит на меня не совсем здоровой улыбкой.

Замечаю, что двух зубов впереди у него не хватает и один сломан.
Хотел спросить, здесь он потерял или нет, но передумал.
Приехали.

Тип, охая, по-прежнему со странной улыбкой, выскочил из буханки.

Я залипаю через окно на улицу, мимо проходит гражданская девушка. Она как ангел.

-Выходи, калич!!! – орёт толстый водила-контрабас так, что Рыжий, сидящий рядом с ним, вздрогнул.

Собираюсь ответить, но передумал.

Срывать «отпуск» неохота. Клянусь себе, что если он же попадётся мне на пути назад в часть, то обязательно покажу ему, кто из нас калич.

Выхожу.
Я, тип и Рыжий идём в госпиталь.

– Как там в санчасти два дня прошли? – всё таки спрашиваю я.

– А-а-а, более-менее. Нас трое в палате, остальные башкиры и двое дагов. Друг с другом много терок у них было. Потом там один из наших как-то накосячил перед ними, они его пиздили днем и ночью, под кроватью спать заставили. А я просто старался не светиться, ночевал в туалете, работал там по хозяйству помогал.

-А тот тип в итоге что?

-Не знаю. Я уезжал он так и лежал под кроватью.

Заходим в госпиталь.

Рыжий передал нас мед. персоналу и отчислился.

Оформляемся, сдаем бушлаты, ждём.

Меня вызывают первым, чтобы идти в отделение. Бросаю ему на прощание:

-Давай удачи. Может в части, в столовой свидимся.

-Нет, я туда не вернусь.-он слегка нагибается заговорщически. – Я буду почти каждую ночь ссать в кровать под себя и меня спишут.

Смотрю на него. Он весело подмигивает.

-И тебе советую так же сделать.

Больше я его не видел.

В отделении переодеваюсь в робу, времен конца первой мировой войны. Пока складываю армейскую форму, чувствую, как ужасно пахну. Напекаю санитарке, что неплохо было бы помыться.

-Мытье по расписанию! – отрезает строго она.

Наверно бесится, что в её расписании давно нет секса.

Пока иду к палате, вижу немного местных аборигенов: южане хищно на меня смотрели, вместе с ними сидел русский 100-килограммовый бугай и так же на меня глянул, как на его собственность.

К моей радости меня подселили в отдельную палату. Врач (уже более приятная женщина, лет 40) сказала, что я должен быть изолирован, так как у меня заразная инфекция.

Я не был против.

Моя палата представляет собой комнатку три на три метра.

Тесная шконка, тумба, отдельный толкан. Блёкло-синие стены и окошко с живописным видом на полузаброшенный городок, где живут в основном семьи военных.

Но для меня это «VIP» зона.

Рядом никого нет!!! Вообще! Я один!!! Ахуеть! Ещё и еду приносят дневальные! ЕБАТЬ!!!...

Это было великолепное время.

Около двух недель я не выходил, пил таблетки, обматывал ногу фурацилиновыми повязками. Достал наконец-то свою тетрадку и... начал писать. Всё, что придётся.

Странно, но в тесной каморке 3 на 3 с видом на упадок, моя фантазия разыгралась и влёт писались очерки, стихи, зарисовки, мысли, чувства... В перерывах между творчеством, читал со второй тетрадки стихи некого Кумыса.

Меня никто не беспокоил, кроме медсестры, что приносила таблетки, мерила температуру и дневального, который приносил и уносил еду.

Даже сейчас, спустя столько лет, я вспоминаю с теплотой эту тесную конуру, в которой я стал свободным, как никогда в то время...

«Свобода – это то, что у тебя внутри», как пелось в известной песне.

Что-то в этом есть.

Грохот в дверь палаты перед отбоем.

Кто-то хуярит по ней, гогочет и матерится.

-Эй, ти тхам не сгниль неть? Выхади паабщаемся! – слышу за дверью.

Рядом гогочет второй голос.

-Приехалъ в отделение даже не знакомисся э, так нинада, да.

-Мне нельзя пока.

-Эта нам рищать что тибе нельзя. Завтра чтоб вышель, понял да?

-Выйду. Пообщаемся.

-Смотри, если наебал. – слышу твердый сильный третий голос без акцента.

Слышу звук удаляющихся шагов, судя по всему, троих человек, сопровождаемый гого-том, бранью, рычанием...

–Инфекция...-почему-то шепчу я.

Подхожу к окну. На мобильник, времен конца девяностых, кто-то звонит.

Мама.

Говорю ей, что прибавил на службе 2 кг, что ездили на стрельбище и с товарищами по службе катались на танке.

В общем, что день у меня замечательный.

Говорю, что скучаю.

Это уже правда.

Поговорили.

Положил трубку. Отключил телефон.

–Обязательно пообщаемся, суки. – шепчу, так как почему-то стало тяжело говорить.

Сажусь на шконку, беру с тумбы тетрадку со своим творчеством.

Смотрю нанеё любовью. Тонкая в клетку, 18 (точнее, уже чуть меньше) листов с той самой зеленой обложкой.

Вздыхаю.

-Спасибо за эти дни. Все было круто. Но нам пора прощаться. – целую её, чудом не тронутую в моей части, пролежавшую в тумбе многие месяцы и убираю её в темную глубь тумбочки.

Ложусь на шконку. Смотрю в тёмный потолок. Глубоко вдыхаю и резко, мелкими резкими выдохами выпускаю воздух.

Отлично.

Я настроен.

Чувства ушли, я снова готов сражаться.
Ждать долго не пришлось.

Уже следующим утром они пришли сами вместе с дневальным, что принес завтрак.

Двое джигитов и тот здоровый, с виду русский.

Один южанин нагло падает на мою шконку рядом со мной от чего та с негодованием скрипнула, второй садится на тумбу, забирает у дневального на колени поднос и жрет мой завтрак.

Здоровый, с деревенско-уголовными чертами лица, важно ставит табуретку передо мной, садится и нагло смотрит мне в лицо.

-Ты кто?

Раньше, когда я только пришел в армию, этот вопрос ставил меня в тупик и я мямлил что-то типа «чилавек», но теперь чётко ему отвечаю фамилию, звание, часть, попутно отметив насколько огромные кулаки у крепыша.

-Я, Вася Бурых. Бурый, короче. Я тут главный на этаже. Здесь мне паразиты не нужны, так что порядок такой: платишь налог, ходишь в наряды если отправляю. Если отправляю пять раз подряд, идёшь и радуешься. Все ясно?

-Нет. Что за налог?

-Налог за то, что койку занимаешь и жрёшь здесь. Платишь или деньгами или подгонами.

Джигит, что сожрал мой завтрак, спрыгивает со шконки и лезет в мою тумбу.

-Эй, пилять, поднос забэри, да! – обернувшись орёт в коридор.

Залетает дневальный, съёжившись от внимания троицы, быстро берёт поднос и уматывает.

-Сечёшь? – спрашивает Бурых и смотрит на меня хмуро.

-Все платят?

-Все, кто младшего призыва и кто не мои друзья.

-И они?-киваю я на того, что сожрал мой завтрак.

-Нет, они мои друзья.

-Все?

-Все. Слушай, меня забывают твои вопросы. Ты всё понял? Пока ты ещё в изоляторе лежишь, в наряды не ходи, но налог плати. Как переведут в общую, будешь и на работы ходить по моему желанию. Усёк?

Киваю. Ситуация для драки невыгодная.

-Эй, ти шчо пушкин? – спрашивает джигит, почти растерянно глядя в тетрадь, что выудил из моей тумбы.

-Да это так, просто выписки, что понравилось в книгах. – отвечаю максимально небрежно, дабы показать похуизм к тетрадке.

Тип не понимаяще на меня посмотрел, пролистал снова тетрадь и бросил в тумбу.

-Пэсанина для чмошников, э. – встает уходит.

-Завтра жду первый взнос. – поднял бровь Бурых и тоже вышел, вместе со вторым, что валялся на моей шконке.

-Будет тебе взнос. – шепчу.

Весь оставшийся день я провожу в разведке: хожу в общий туалет, выглядываю в коридор, слушаю голоса, разбалтываю дневального, что приносит еду. Ситуация вполне благоприятная: Бурых уже готовится к выписке, как и его кенты.

В целом, их не так много: всего компашка три-четыре тела, что рэкетирует остальное отделение.

План состряпал быстро, спасибо с измальства игре в шахматы – продумывать действия я умею.

Нога моя не зажила окончательно, я ещё слабовато прихрамывал, потому атаку надо спланировать с учётом моей «дефективности».

Надо не просто зарубиться и разово раскидать. Нет. Мой план – полностью победить их, заставив снять режим рэкета.

Может немного самонадеянно, но я понимаю важность этого сражения.

Если я смогу здесь, то появятся силы сопротивляться в моей части.

По-умному.

Конечно, в моём месте службы все гораздо хуже, но пока надо обрести волю к сопротивлению. Нароботаю её здесь.

Война требует вложений. Достая из загашника мелкие сбережения, ловлю ребят, что едут на работы и прошу их купить то, что мне нужно.

У дневального прошу смартфон дать мне на сутки в аренду (плачу почти все оставшиеся деньги), под предлогом – поиграть в игры, а то в изоляторе скучно.

Он отдает с радостью, т.к. заебался его прятать от Бурых и его друзей, да и «налогов» им он должен уже не хило, хочет расплатиться.

Краду с поста медсестры ключ от вещ. склада, беру оттуда свой ремень. Запираю, возвращаю ключ на место.

Ребята, вернувшиеся вечером дают мне то, что я попросил их купить, сдачу им оставляю.

Прошу их не говорить Бурому о том, что я приобрёл.

Они пообещали молчать. Я прекрасно знаю, что они сдадут меня Бурых, дабы прогнуться, но мне это и нужно.

Всё. Я готов.

Бурый с одним южанином вваливается в палату.

-Ты чё сука! Утаить хотел!!! – ревёт он и пудовым кулаком роняет меня на пол.

Прихожу в себя, встряхиваю головой.

Бурый достает из моей тумбы полторашку «Балтика» и уничтожающе смотрит на меня.

-Сматри, э, он тут квасит пока мы тут с голоду мрём, э! – тип пинает меня по рёбрам.

-Как объяснишь? – Бурый спрашивает угрожающе тихо.

-Это вам...

-Чо, ска, пэздёшь! – чёрный пинает меня и гавкает на южном наречии. -Наипать хотел пидр!

-Я правду говорю, я просто хотел подгон вам сделать...

-Бабки гдэ э?

-Потратил все... на пиво...

-Пиздишь, э!

-Честно.

-В общем. – твёрдо отрезал Бурых. -Завтра ждём двойную оплату, за то, что утаил. Ещё один такой косяк и тебе ногу снова придётся лечить, только уже в травматологии. Усёк?

Подавленно киваю. Они уходят, забирают пиво.

Туалет в армии – место основных мутных движух.

В нём курят втихаря, распивают, расправляются с неугодными, торгуют, лишают авторитета самыми разными способами... ах, да, ещё срут.

Именно по последней причине Бурый спешит по коридору отделения, ведь у него сильно болит живот.

Он бежит не ровно, ведь ещё недавно выпил крепкую «Балтику» почти в одну харю, дав лишь пару глотков Малику.

Бурых влетает в толкан и спускает на ходу штаны, смотрит вожаденно на унитаз...

...мой ремень резко обнимает его толстую шею сзади и моментально начинает затягиваться.

Амбал не сразу понимает, что произошло и удивленно руками перебирает по горлу.

Бурый хрипит, трясется, пердит, выпуская жидкое содержимое кишечника на пол и мне на ногу.. Удержать его сложно, он крупный, я дрищуган.

Потому запрыгиваю ему на спину, продолжая держать концы ремня и ногами «закрываю гард» на его поясе.

Бурых сначала принимает верное решение: руками размыкает «замок» на поясе и толчками сбрасывает меня на ноги. Не дожидаясь, пока он меня совсем растрясёт своей массой, подсекаю и он падает, бьётся головой об унитаз.

Секунда замешательства.

Я выпрямляюсь и ебашу ему в голову кулаком, затем снова хватаюсь за края ремня и продолжаю давить. Он трясётся, локтём бьёт наугад себе за спину и со второго раза попадает мне в нос.

Перед глазами все сверкнуло. Я кричу и затягиваю сильнее. Он встаёт, рукой обхватывает мою ногу и падает на спину, всей своей тушей зажав меня к полу.

Снова «закрываю гард» ногами и усиливаю напор. С его лица стекает кровь на меня. Бурый делает последний рывок руками и одна из лямок вылетает у меня из ладони. Впиваюсь большим пальцем ему в глаз. Враг изгибается и хрипит, пытаясь заорать от боли, схватившись за лицо.

Снова подхватываю утерянный конец ремня и тяну. Бурых обмяк, огромные руки упали.

Сразу сбрасываю его с себя, встаю и пока он откашливается, ебашу ногой ему в голову.

Вырубился.

Тяжело дышу. Бой забрал много сил...

Достаю смартфон дрожащими руками.

Включаю видео. Снимаю его-с голой обосранной задницей, измазавшегося в дерьме и разбитое ебало. Комментирую о том, кто передо мной и чем он занимался в военном госпитале.

Бурых приходит в себя, смотрит на меня и гаджет.

Убираю смартфон.

-Ты чё сука... совсем поехал, дурик?

-Слушай сюда. С этого дня ты меня и никого здесь не трогаешь! И чёрным тоже самое скажешь, смотрю, здесь они тебя слушаются...

-Да я прибью тебя, сука.

-Не прибьешь. Более того, ты послушаешься. Иначе видео с тем, какой ты улетит во все уголки мира.

-Пшел на хуй, ща убью тебя.

-Но самое угарное, что это видео попадет твоим друзьям, и в твою часть, твоим сослуживцам и твоим близким на гражданке. Отвечаю я посвящу всю жизнь, чтобы это видео годами переходило из рук в руки, а потом пришлю твоей будущей жене и сыну.

-Я тебя убью...

-А если со мной что-то случится, то это за меня сделает мой друг. Я уже сказал ему о том, кто ты, дал все твои данные и если я не выйду на связь сегодня вечером или перестану выходить, и не скажу кодовое слово, означающее, что я в порядке, то он начнёт распространять видео везде, где можно. Даже на сайты для пидоров закинет, авось кому-то твоя дерьмовая жопа придется по вкусу. Хули... как говорят, «у каждого свои вкусы» -кому-то и дерьмо десертом кажется.

Он тяжело дышит, кашляет, натягивает лежа штаны, пыхтит.

-Ты сейчас на эмоциях, это нормально. Подумай. Всё что тебе нужно-не трогать здесь никого. Просто лежи себе, жди выписки. Никаких налогов. И об этом никто не узнает. Видос я удалю, как только уедешь отсюда, всего два дня не трогая никого. Думаю, это не сложно? Но один удар, косой взгляд, или кого-то ты или твои овчарки кавказские тронут, я молча отправлю без предупреждений. Всё, думай. Всё в твоих руках.

Пора спешить. Сюда могут войти в любой момент.

Подбираю ремень, выхожу из туалета, иду по коридору в робе заляпанной нашей кровью и его дерьмом. На встречу выгружается из палаты Малик и в развалку идёт мне на встречу. Похоже, собрался по нужде.

Останавливается, удивленно смотрит на меня.

-Э-э, ты чё?...лишь мямлит он.

Прохожу мимо. Захожу в палату. Смотрю в окно. Достаю смартфон, кладу на подоконник.

Снимаю грязную робу, остальную одежду и бросаю на пол, остаюсь голым. Стою около минуты, смотрю на кучу шмоток с кровью.

В коридоре отдаленно раздаются крики, ругань.

Сажусь на кровать. Руки трясутся.

Беру смартфон, открываю видеозапись.

Нажимаю «удалить».

Откидываюсь назад, закрываю глаза. Ругань в коридоре усилилась и стала ближе.

Сюда идут.

Мне ничего не было.

Бурых заявил, что он упал, как и я.

Однако, у него дежурный офицер заметил состояние алкогольного опьянения и потребовал после выходных выписывать его в срочном порядке (впрочем, он и так собирался на выписку).

Как только его и остальных выписали, меня перевели в общую палату.

Оставшееся время провожу комфортно: болтаю с ребятами, питаюсь вдоволь (набрал с 56 до 60 кг), общаюсь с одним ценителем кино на тему фильмов. Тот ценит работы Стэнли Кубрика и заявил, что его убили жида из-за фильма «С широко закрытыми глазами», якобы за то, что показал часть правды о глобалистах (типо такие стосы, что устраивают войны, управляют президентами и устраивают сатанинские оргии, ну и ещё в ряде пакостей замешаны).

Чем ближе выписка, тем больше я думаю о своей части.

Честно, но мне страшно.

Меня там помнят и ждут. И победа в военном госпитале над неуклюжим амбалом не даёт гарантий победы в моей части, где целая система надлома человека.

В целом оставшееся время прошло спокойно и комфортно, не считая одного ебануто-комичного случая.

—Они все перепутали. Они термос у «ветрянщиков» оставили! — истерит жирная сестра-хозяйка, та, что отказала мне в помывке при заезде в отделение.

Жму плечами, показывая что не понимаю зачем мне эта информация.

Смотрит на меня, как на лишнехромосомного.

-Иди в отделение ветрянщиков, забери у них термос с супом и сюда тащи, иначе без обеда останемся.

-Эмм.. А они точно мне отдадут его?

-Да! Я позвонила, сказала, отправлю кого-нибудь. Иди быстрее!

Делать нечего, есть охота. Сипую за нашим супом к «кожникам», куда горе-нарядчики по ошибке отгрузили термос.

Захожу в отделение.

Оно изнутри выглядит ещё уебищнее нашего.

Меня встречает кодла одетых как бичи зелено-пегих пацанов.

-Тебе чего? – с тоном визгливого-начальника спрашивает длинный пятнистый тип.

-Я за супом, у вас тут попутали, наш термос оставили.

-Это ты попутал. У нас всё верняк.

-Нет, погоди. Сестра с моего отделения звонила вашим, все оговорено.

-Я хуй знает кому она там звонила, мне никто не звонил.

-Где ваша дежурная?

-Съебалась куда-то. Я за ней не слежу.

Смотрю на стоящий рядом с типом армейский открытый термос, откуда дымится суп.

-Слушай, ну там пацаны жрать хотят.

-Жрать хотят? Пусть жрут котят! – длинный загоготал, довольный своей комедийной рифмой.

По-моему в этот момент на его лице лопнул один прыщ.

Сзади него с интересом столпились измазанные зеленкой пацаны и просто типы покрытые какими-то язвами. Резко стало страшно здесь дышать.

-Слушай, остряк, давай, я возьму бачок, а ты пока насочиняешь шутеечки по-лучше, базар?

Я закрываю термос, не слушая причитания длинного и спокойно уношу его.

-Стой пидор! -хватает меня за плечо и разворачивает.

Тыкаю коротко двумя пальцами ему в глаза свободной рукой и добавляю пинок ногой ему в печень. Тип охает и складывается.

-Э, бля! – толпа пегих напирает на меня, яростно моргая из-под зеленых пятен.

-Ебануться. – говорю вслух и со всех ног бегу с тяжёлым термосом в руке.

За спиной вопли ярости. На бегу оборачиваюсь и вижу толпу пятнистых уродов, несущихся за мной. Из хуёво закрытого термоса вылетают капли супа и пачкают мне штаны.

Ощущая себя героем фильма про живых мертвецов, со всех ног выскакиваю из отделения, несусь по лестнице вверх.

Они не стали преследовать дальше.

Влетаю в своё отделение, весь засранный в каплях жира и с важным видом добытчика, ставлю термос в обеденном зале на глазах у изголодавшихся пацанов.

Жирная сестра-хозяйка:

-Отнеси это обратно. У «гастриков» наш суп, а не «кожных». Ошибочка вышла. Ближится дата выписки.

Дабы дать себе отдохнуть ещё, я всё чаще прижимаю градусник к батарее и слегка завишаю себе температуру (не борщу, выше 37 не делаю).

В какой-то момент вызывает главный военный врач-женщина к себе и сообщает, что из-за температуры у неё подозрения на проблемы с моей щитовидкой, но в этом госпитале нет оборудования для обследования (чего уж сказать, если в этом бомжатнике нет своей столовой). Она выписывает направление на какую-то диагностическую процедуру в госпиталь в Городе, сообщив, что когда появится «номерок» и машина из моей части, тогда меня туда свозят на обследование. В конце сообщает, что меня выписывает.

Что-ж, задержаться не получилось, но хоть выбил себе в будущем лишнюю поездку в большой Город, где я был один раз. Конечно, если доживу до неё.

Оставшиеся дни провожу в написании писем близким.

Накидываю короткий мистический рассказ, основанный на местных байках о потустороннем.

За два дня до моей выписки в отделение заехал Эседов. Дагестанец, моего призыва с моей части, один из немногих, кого не приняли свои и получает пиздюлей почти наравне со всеми русскими.

Эседов сразу принялся рассказывать байки, как достойно вел себя, пока меня не было, как сопротивлялся давлению, рассказал о близких родственниках-генералах и о том, что после срочки его ждёт блестящая и проёбная работа в спец.службах по блату.

-Тэба тама ждут. – в конце беседы сказал он.

-Знаю.-говорю и отворачиваюсь к окну.

-Слышэ. Ест вопрос, всо у тыба спросит хотэл. – сделав голос очень тихим, серьёзно спрашивает Эседов.

-М?-поворачиваюсь к нему.

-Ест тонкая зарадка для Нокиаэ?
Меня выписывают.

Стою в форме. Надеваю ремень, который по краям покрылся трещинами после инцидента с Бурым.

Ни с кем не попрощался, да и никто не хотел.

Еду в буханке обратно в свою часть. Вместо того пузатого водилы за рулем молодой кон-трактник.

Жаль, был бы тот, я бы правда на него напал скорее всего. Это лучше и логичнее, чем добровольно ехать на свою казнь.

Мои руки трясутся, план действий в голове не вырисовывается.

Мимо, за окном, проносятся мрачные утопические пейзажи: убитые полупустые дома маленького города, из которого я выезжал. Мертвые деревья, пустые люди без огня надежды в будущем.

Покидаем городок и теперь за окном только лысые деревья, грязь, ямы и холмы.

Несмотря на уродство, хочется ехать здесь вечно и смотреть в окно, но путь прошёл быстро.

Буханка заворачивает, трясется по убитой дороге так, что пару раз я был уверен, будто мы переворачиваемся, и подъезжает к КПП моей части.

Шлагбаум поднят. Я снова здесь.

Меня ждут.

7. Кровь и честь

Возвращаюсь в роту.

На этаже почти никого нет. Личный состав утром увезли в парк обслуживать технику, который вот-вот должен вернуться.

Хожу по непривычно тихому коридору.

Встречает мл. сержант Кр, что остался в роте т.к. заступил дежурным.

-Ну что, проебался? Съездил на курорт? Теперь пизда тебе, за весь отдых получать будешь.

Я кривлюсь, глядя на этого тощего, как кощей, озлобленного алкоголика, для которого эта служба-самое яркое событие в жизни.

-Чё корчишь ебало? Тебе сегодня под хвост неруси толпой залезут, и не так кривиться будешь.

Не дослушиваю, ухожу в кубарь.

На хрен его лай, только настроение портит.

В кубрике натыкаюсь на одиноко спящего Костю П. Его я видел только один раз, когда приехал сюда, потом он просто куда-то пропал.

Немного поговорив, узнаю, что он устроился работать на камбуз. Условия скотские: спишь по 2 часа в сутки, находишься в подчинении жирных недотраханых коров-поварих, озлобленных на весь мир за убогую судьбу, ещё и по ночам могут завалиться чёрные, «китайцы», старший призыв, бухие контрабасы и требовать жрачку.

Однако есть и плюсы: ты вдали от своей роты, ты не ночуешь с теми, кто хочет тебя покалечить, ограбить, унижить, изнасиловать, ну и конечно – еды много. В общем жизнь – почти рай, если сравнивать с моим положением в роте, где меня уже перепродают в рабство.

-Слушай, как туда мне попасть тоже работать?

-Ну там, надо сначала с командиром роты пообщаться, потом с начмедом, он рассмотрит твою просьбу...

-Блять, слишком долго! Я не могу столько ждать.

-А когда тебе надо?

С коридора доносится грохот, ржач, ругань, мат и южные наречия.

-Вчера.-смотрю на выход из кубрика, где видны мелькающие тени.

Оборачиваюсь обратно к Косте П, но его нет.

До сих пор не знаю куда он в тот момент съехался.

Первым в кубарь заходит Чепчик.

Под глазом чернеет гематома, на бушлате засохшие капли крови и блеск чего-то жирного.

-О, вернулся.-в его голосе нет радости.-Ну как отдохнул?

-Я не отдыхал, лечился.

-Ага, а мы тут втухали, пока ты там дрых.

-Если бы я там не дрых, ты всё равно б тут втухал, это неизменно.

-Но ты-то отдыхал всё-таки.

-То есть с тобой должны страдать все?

Чепчик не отвечает, по-бараньи на меня глянул и пошел к своей шконке.

Входит моб южан.

-Вот он, сьюка! – они бросаются ко мне.

Прижимаюсь к одной из кроватей, но спотыкаюсь о табуретку и неуклюже падаю между шконок.

Вскакиваю, сжимаю кулаки, встаю в проёме. Они не спешат, хищно улыбаются.

-Ти наш теперь, готовь жопу! – орёт кто-то из узкоглазых, его толкает джигит.

-Нэт, нашэ, нам он нужен!

Меня трясет. Их больше десятка набралось, тут без вариантов. Захотят – сделают со мной всё, что взбрело в головы. Меня спасает пока только то, что они устроили делёжку.

-Дайте его мне! Эй! Слушайте!!! Мне его дайте!

Это Фахылов, к тому моменту, успевший прославиться тем, что любит мучать кого-то конкретно, взяв его в рабство, завалив черновой работой и унижительными требованиями.

Пока я был в госпитале он довёл до попытки самоубийства одного пацана.

Его спасли и увезли в дурку.

Теперь у Фахылова открыта вакансия нового раба.

Фаха улыбается по-отечески, глядя на меня.

-Захуй он тебе? Тупой и борзий, его приструнить нада, да! – шипит Сабиров, но его перебивает кто-то из узкоглазых и что-то непонятное говорит Фахе.

-Я приструню. Будет послушнее, чем любой здесь. Сдайте мне его, так сказать, в «аренду». Если за неделю его не выдрессирую, то забирайте и делайте с ним, что собирались.

-Так давай и выебем его, и забирай! – Сабиров масляно на меня смотрит, и я понимаю, что этот тип реально не здоров чердаком.

– Нет, я с бракованными не хочу возиться. Дайте мне его пока он цел. Не таких ломал, сделаю его послушным и податливым, а после уже делайте что хотите с ним.

-Хорошо, с тибя бухло Фаха! А ты, упырь. – Сабиров смотрит на меня. -Через неделю тебе пэзда.

Вечер. Сушилка.

Фахылов заводит меня внутрь.

Я готов драться, хотя и не уверен, нужно ли это, ведь он, по сути отсрочил более ужасное событие. Однако, лучше сражаться, иначе так и приучусь слушаться.

Все произошло быстро.

Удар Фахы я не замечаю-слишком быстрое движение в подбородок, и я на полу. Он стоит и смотрит.

Встаю и тут же тройка летит в меня, снова сбивая с ног.

Он бьёт умело, в отличии от черных.

-Вставай.

Медленно поднимаюсь, голова кружится. Резко лечу на него с ударом. Тот неожиданно исчезает и сбоку, по ощущениям, мне в подбородок влетает самолет.

Я на полу.

-Вставай. Я жду.

Снова встаю, хотя сил нет.

Два удара, я падаю в грудь кирзачей.

Сверху мне на ебло падают потные вонючие портянки. У кого-то приколот, класть их сушиться, не постирав.

-Вставай.-холодно говорит Фаха.

Пытаюсь встать, но падаю, так как голова идёт кругом. Надо отдать должное Фахылову,-тот меня рубанул, не пролив ни капли моей крови, действуя один и даже не избивая меня лежащего. Возможно, боксерские инстинкты сыграли роль: в боксе то не принято бить лежащих, а может просто хотел меня сломать таким образом, давая мне встать и роняя, показав мою беспомощность.

-Созрел, овощ?

-Смотря для чего.

-Не созрел, значит. Вставай.

Тяжело поднимаюсь, опираясь на стену. Смотрю на него.

Короткий удар в подбородок и я снова в куче кирзачей и портянок.

Фаха подходит, поднимает меня, прижав к стене и резко на выдохе бросает три удара в корпус.

Тело пронзает боль. Я не могу дышать, опускаюсь на корточки, пытаюсь ртом поймать кислород.

-Созрел?

Кашляю.

-Что нужно? – еле выдаю я, пытаюсь поймать ртом кислород.

-Сегодня подошьёшь мне китель. Завтра с тебя стирка, глажка, заправка моего шконаря. Также завтра с тебя достать мне печенья шоколадного. Люблю печенье. Сегодня стирать не надо, моя вторая служанка Котлованов это сделает. Вопросы?

Молча сплевываю слюни с ржавым вкусом в чей-то кирзач (случайно, не ругай).

-Вот и славно. Приводи себя в порядок, вечером жду тебя. Не заставляй тебя искать, сам подходи.

Фаха отчислился из сушилки. Встаю, кашляю иду к окну.

Смотрю вдаль за сопки, холмы, куда тянутся электромагистралли.

Сушилка открывается, входит Точилкин.

-Ты чего здесь? Мы там полы пидорасим, а ты тут проябываешься.

-Иди нахуй отсюда. – не оборачиваюсь к нему.

-Ты что N-ов? Одембелел?

-Иди, тебя пол и тряпка ждут.

-Я щас скажу мл. сержанту Г, что ты ахуел!

-Говори что хочешь и кому хочешь, но потом бери тряпку и мой пол.

Дверь закрывается.

Смотрю в окно.

Безумно хочу туда.

Нет, не домой,-я уже знаю, что домой не вернусь, а просто туда.

Просто пойти куда хочу... побыть одному, наедине с природой. Увидеть, что за этими холмами, сопками, деревьями, куда тянутся кабеля. Пойти вдоль них, зная, что они могут привести меня куда угодно...

Просто хотя бы на пару часов...

Как жаль, что я не ценил раньше возможность пойти куда хочу, общаться с кем хочу.

У меня была свобода, но умел ли я ей пользоваться? Тратил её на общение с неприятными людьми, на походы в учебное заведение, где мне не нравится учиться, пропускал тренировки по каратэ, меняя их на распитие дешёвого алко-коктейля с псевдо друзьями по учёбе.

Оказывается свобода лежала в руках, но я её откладывал на завтра, считая, что у неё бесконечный срок годности.

Вечером Фахылов торжественно сдаёт мне свой китель и задачу: прихуярить девственно-белоснежную пошиву (такой белый кусок ткани) на воротник.

Я подшил.

Приношу Фахе, важно сидящему в кубрике.

Он улыбается.

-Ну вот, а говорили, что ты борзый. Просто не умеют они воспитывать, слишком они для этого тупые, да? – смотрит радостно на меня.

Пожимаю плечами.

Он осматривает китель и его глаза на секунду расширились.

-N-ов! Это что такое!?

-М-м-м, воротник. – тупо мямлю я, делая вид, что ничего не понимаю.

-Ты затупок, ты как подшился!!! – Фаха вне себя от ярости, глядя, как края белой накладки вылезают на наружную часть воротника кителя.

-А что не так? – с видом дурака говорю, сделав удивленное лицо.

Он вскакивает и бьёт прямой мне в голову. Удар я замечаю. Фаха слишком взбешён, потому движение выходит очень тяжело.

Однако даю ему попасть и падаю.

-Вах, как перебал-то! – с восхищением скандирует с конца кубрика Тыхтамышев.

Сижу и сплевываю кровь изо рта. Провожу пальцем по зубам, они целы, просто губы разбил. Притом даже голова не кружится. Отлично, значит Фаха теряет хватку, когда взбешён.

Учтём на будущее.

Фахылов орёт и даже порывается меня пнуть, но не делает этого.

Наоравшись, зовёт Котлованова. Тот моментально оказывается рядом. Парень совсем плох – воняет тухлой едой, все лицо в гематомах разной свежести, а под ними отсутствующий взгляд, будто человека внутри уже нет.

-Подшейся, только не как этот затупок. – Фаха кидает китель в ебло Котлованова.

«Да и мне носки простирни», «И мне подшей» – раздаётся тут-же, и Котлованова, безучастно стоящего, обвешивают шмотками, как новогоднюю ёлку игрушками.

-N-ов. Иди за мной, для тебя у меня есть кое-что особенное, что поставит твою голову на место. – уже успокоившись, говорит Фаха и сипует к выходу из кубаря.

Снова сушилка.

Фахылов не бьёт, хотя я собирался держать удары по максимуму.

Под «особенным» Фаха подразумевал обычный кач. Под его счёт я отжимаюсь на «делай раз, два, полтора».

Я даже обрадовался, т.к. люблю физику, но постарался придать себе страдальческое лицо.

С детства отжимаюсь на кулаках, спасибо отцу, и отжимаюсь много, спасибо каратэ, потому начинаю «трястись» далеко не сразу.

-Смотри-ка, N-ов, с виду ты дрищ, а сила-то есть. – в его голосе смешалось удивление и злость, как будто я отжался больше, чем он может.

Ещё немного посчитав, он психанул и дал команду «полтора» и тупо стал ждать, когда у меня в такой позе затрясутся руки. Продержавшись сколько смог, падаю еблом в пол.

-Команды лежать не было. Делай, раз!

Выпрямляюсь медленно на отказывающих, агонизирующих руках. Грамотный сильный выдох помогает мне сделать повторение, когда, казалось, мышцы отказали в работе.

Но кач, на то и кач, чтобы заебать, а не подкачать солдата. Даже если это упражнение твой конёк, ты всё равно отожмешься больше, чем можешь и упадёшь без сил, что в итоге сделал и я.

-Хочешь отдохнуть?-участливо спрашивает Фахылов.

-Было бы неплохо...-выдыхаю.

-Тогда вставай, пусть руки отдыхают.

Встаю.

-Приседай.

И снова под тот же счёт, до того же состояния. Сильные ноги (опять же спасибо киоку-шинкай каратэ, где силе ног уделяется особое внимание), достойно терпели, но в итоге я упал. Далее, я снова отжимался.

В душной, жаркой, пропахшей потом и грязными портянками сушилке, после нескольких часов такого кача, у меня в какой-то момент закружилась голова во время приседаний.

Я зависаю, перестаю понимать происходящее и слышу голос Фахылова как издалека.

Удар и я на полу.

Лежу в луже своего пота, тяжело дышу и мечтаю о глотке воды.

Фаха садится на корточки рядом со мной.

-Завтра с тебя стирка, глажка и два больших «сникерса» принеси. Печенье мне уже Котлованов достал, но я уже хочу Сникерс. Иначе дальше хуже будет, у меня есть много методов воспитания.

Он уходит, оставляя меня лежать, тяжело дыша на сыром полу в душной сушилке.
В кубрике кипит жизнь.

Захожу и вижу Котлованова, стоящего с тем-же безразличным взглядом, скрестившим руки на лбу.

Откуда-то из глубины кубаря вылетает Фаха и ногой, надетой в берцы, хуярит Котлованову в голову. Тот падает.

Все ржут.

Заглядываю под простыню в своей шконке, залезаю пальцами в дырку в матрасе и достаю несколько мятых купюр – всё, что не успел забрать с собой в инфекционку и там потратить на «военную кампанию» против Бурого.

Ловлю нормальных ребят, что в наряде на развоз еды по постам, прошу их заскочить в чипок и купить два больших сникерса.

Позже, натыкаясь на «взлётке» на Котлованова. Тот идёт, смотрит в пустоту без эмоций, словно андроид.

-Э, Коля.-почему-то решил, что надо назвать его по имени.

Котлованов не останавливается, не реагируя проходит мимо.

-Коля! Эй! Коль! Котлованов, бля!

Он останавливается и оборачивается ко мне, но смотрит по-прежнему куда-то вдаль.

-Ты это мне?

-Тебе. Ты в порядке?

На секунду в Котлованове даже промелькнуло легкое удивление.

-Я?

-Ты.

Парень стоит несколько секунд молча, словно не знает ответа, отворачивается и уходит.

Хочу его остановить, но дверь в роту открывается и вваливаются пацаны, передают сникерсы. Благодарю их, оставляю им сдачу.

Той же ночью, втихаря покидаю кубрик, достаю из-под досок в полу сникерсы, вынимаю из пакетика.

-Да, Фаха, сникерсы это заебись идея.-говорю себе.

Иду в туалет.

Останавливаюсь на полпути, меняю курс в бытовку, вылавливаю там Клювкина – парня моего призыва, который неофициально ответственный за мини-кладовую и хранит там всю контрабанду, еду, посылки старшего призыва и всех нац.меньшинств.

За это его бьют чуть меньше, но дёргают постоянно и пытаются уличить в кражах, вечно сажают на долги. Словом, парень тоже втухает.

Клювкин закрывает кладовую с заёбанным видом.

-Клювик.

-Тебе чего?-вздыхает он, видя меня.-Тканей для пошив нету. То, что прапор выдал, все сожрали моментально.

-Клювик, да по хрену мне твои ткани.

Показываю ему сникерсы.

-Приглашаю вас, сударь, предаться чревоугодию.-улыбаюсь.

Клювкин, что за всю службу только и слышал, что он должен кому-то что-то, моментально оживился.

Вместе в бытовке едим батончики, наверное самые вкусные в нашей жизни.

Говорим о ерунде, не касающейся службы. Просто кайфуем от тишины, сладости и спокойной компанией друг друга, шутим.

Просто десять минут полного кайфа.

Слышу шаги в коридоре. Выглядываю. Сгорбившись, пиздует в туалет Котлованов.

Нормально. Можно спокойно доедать.

Доели, взглядом поблагодарили друг друга за приятное спокойное общение, что редкость в этом месте.

В бытовку заходит Тимофеев с грудой кителей в руках. На гражданке он был наркоманом, что отразилось на его глазах, которые хронически притупленные, будто ему скучно жить.

Деловито, не глядя на меня, раскладывает их, достает игольницу, нитки, принимается подшивать первый китель.

-Хуя ты, швейные войска.-говорю.

Тот не реагирует и спокойно подшивает.

-Нормально так, каждую ночь этим уродам подшиваться?

-А тебе нормально так, каждый день получать пиздюлей? – не поднимая взгляда спрашивает.

-Как будто ты не получаешь.-усмехаюсь.

Он улыбается и поднимает на меня отупевшие глаза.

-Меня хотя бы не бьют в голову, просто в грудь, жить можно.
Иду в кубрик.

Ночь.

Надеюсь все спят, и никто не обратит на меня внимание.

Почти дохожу, но передумываю.

В туалет схожу, умоюсь, не надо забывать следить за собой. Даже в таком ёбнутом месте.

Щётку не буду брать, потому что хуй знает, кто не спит в кубаре и мне могут уже не дать выйти.

Сполосну просто рот после сладкого, лицо омою, подмышки, ноги.
Захожу. Подхожу к раковине. Умываю лицо.

Смотрю в зеркало.

Что-то слышу. Вздых или ещё что-то.

Прислушиваюсь.

В отделе, где расположены непосредственно «очки», кто-то есть.

Странно. Был бы кто-то из старшего призыва или нерусских, не ныкались бы, а сразу сцапали меня и припахали по любой мелочи. Иду на звук...

...Котлованов стоит на туалетной тумбочке возле стены, на шее у него затянут уставной ремень, привязан с помощью второго ремня, к трубе, дальше не рассматриваю особенности его виселицы...

Он рыдает тихо, без слез и трясётся.

Мы видим друг друга одновременно.

-Стой! Не подходи!

По идее надо ловить его, но где-то слышал, что при повешении, если резко прыгнуть, то ломается шея, потому мешкаюсь, не зная как быть. Честно, растерялся я...

-Котл... Коля, стой! Нахуй тебе это надо?

-Просто уйди, не мешай, прошу! – голос его дрожит всё сильнее.

Я первый раз с таким сталкиваюсь и не знаю, что говорить в такие моменты.

-Слушай не...

-Заткнись и уябывай! Я знаю, ты хочешь, чтобы я здесь страдал и все вы этого хотите! Вам всем насрать на все вокруг!-Коля рыдает всё сильнее.

-Коля. Ты не прав. Не делай этого. Твоя жизнь важнее этого дерьма. Я тебе клянусь! Фаха получит ещё своё, я об этом позабочусь. Твоя жизнь важнее этих уродов. Выход есть отсюда. Просто слезай, завтра сообщишь, что пытался повеситься и тебя через дурку комиссуют!

У него текут слезы.

Он быстро крутит головой.

-У-уходи, прошу! Просто оставьте меня все...

Я продолжаю говорить. Прерывисто, сумбурно. По-моему, у меня тоже сыро на щеках, но я не могу позволить себе прерваться.

-Тебя комиссуют, обещаю, ты вернешься домой! Домой, Коля! К маме, которая тебя любит. К будущей жизни, работе, девушке, будущей жене, радостям, которые тебя ждут и которые ты можешь проебать из-за каких-то уродов, у которых судьба уже решена! Коля, все временно. Все проходит и это тоже пройдет!

Он рыдает в голос, держится за ремень на шее.

– Коля, всё решим! Просто заяви, что ты хочешь повеситься, тебя увезут в дурку «по-восьмёре». Полежишь три положенные недели на обследовании, тебя комиссуют, и где-то через месяц ты дома! МЕСЯЦ, КОЛЯ! Подумай, всего один месяц и ты дома!...

...прости, не хочу дальше описывать. Диалог шёл в таком ключе, и в итоге я помог ему слезть, умыться и отправил спать. В кубрик он не пошёл, а отправился спать в бытовку...

Жёсткий на самом деле момент. До сих пор странно, когда вспоминаю его...

Снова умываю лицо дрожащими руками, иду в кубрик и возле входа замечая Филатова, что стоит на шухере по чьей-то указке.

Иду медленно мимо него к кровати, ни на кого не глядя.

Где-то в глубине темного помещения кого-то бьют, кто-то говорит по телефону, кто-то пьёт водку. Слышны стоны, рыки, смех, мат, шёпот.

Рота дышит даже ночью.

Тяжело залезаю на шконку, влетаю в подушку.

После произошедшего в туалете, я вдруг, почувствовал, что медлить больше нельзя.

Пора действовать.

Уже утром, на перекличке, никто меня не услышит, когда дежурный назовет мою фамилию.

Ведь меня там не будет.

8. Есть

Утреннее построение.

Личный состав стоит. Долго, муторно, исступленно. Все нервничают, скоро уже и завтрак, а они ещё утреннюю проверку не прошли.

-Никто никуда не пойдет, пока вы, пидоры, не скажете мне, куда проебали N-ова. – с улыбкой скандирует дежурный старлей.

По рядам проносится злобный шепот.

Никто не знает где я.

А я нахожусь в раю для солдата.

Пары, тепло, запахи... Камбузная кухня и я там готовлю еду для чуть более 700 голодных солдат.

Я просто сюда пришел и начать работать, не согласовывая ни с кем.

Со мной Костя П, Гайсон – мелкий, но миролюбивый молдаванин, ещё трое ребят моего призыва и двое-старшего: Антоха и Никитос, тот самый, что Чепчику пиздюлей дал во время чистки картошки.

Руководят нашим квартетом четыре гражданские бабы быковатого вида, весом чуть меньше сотки, разговаривающие свободно на блатном диалекте.

Меня находят прямо за раздачей, только когда изголодавшийся личный состав всё же привели на завтрак, собираясь объявлять в розыск пропавшего срочника в моём лице. Дежурному старлею объяснил, что работаю на камбузе теперь, начмед одобрил (хотя и никого не спрашивал на самом деле).

Тот наехал, напомнил, что надо сообщать, куда съезжаешь и всё.

Пока я стою на раздаче, неруси шипят на меня, мол, какого хуя я сбежал, но больше всего возмущается Фаха.

Обычно не матерящийся Фахылов вспомнил весь матершинный словарь и просклонял слова во всех лучших армейских традициях.

-Ты все равно вернёшься в роту, Н-ов. – в конце добавляет он, стоя по ту сторону раздачи.
-Ты придёшь туда ночевать. Я тебя спас от ебли, а ты вот как со мной обошёл. Это не пройдет просто так.

-Да.-отвечаю, глядя на него. -Тут ты прав. Это не пройдет просто так.

Фаха проходит дальше.
Работа не сахар.

Поварихи вечно орут, спихивают самую уёбищную работу на нас.

По вечерам иногда заваливался бухой контрактник – дежурный по камбузу и пиздит всех срочников, что ему попадают на пути (особенно Синельников это любит исполнять).

Сплю я ещё меньше, чем в роте, т.к. работницы съезжают после ужина, а на нас висят заготовки для еды на семьсот человек каждый день. Освобождаемся, часа в 2-3 ночи и снова приступаем к работе в 5-6 утра.

Чаще всего ночуем прямо там, в тесной раздевалке, разложив кителя и прижавшись друг к другу на полу, так как в этой каморке всего одна маленькая скамейка, где помещается только Гайсон.

Иногда дежурный по камбузу приходил и разгонял нас по ротам спать. Мы расходились по ротам, чтобы через час-полтора проснуться и снова пойти на работу.

Через какое-то время моя жизнь пошла обособлено от моей роты.

Мои враги и Фахылов поклялись, что едва я вернусь-мне пиздец.

Я знаю,-они это мне не спустят.

Но я и не хочу...

Про военный камбуз долго рассказывать, там кипит своя жизнь,-это по сути своя экосистема, со своими движухами, иерархией, проблемами.

Было много историй, приколов, угаров и траблов.

Я стал больше кушать, много отжиматься, качаться на импровизированных брусьях (сдвигал два цеховых стола близко друг к другу) в свободное время. Неплохо набрал в мышечной массе и за полтора месяца добрал потерянный вес, с 57 до 62 кг. При том все ушло в мышцы рук и плеч (это было внешне заметно).

Я стараюсь помогать парням и на раздаче наливаю ребятам моего призыва больше кофе и накладываю крупнее порции.

По возможности, по ночам приношу уставные галеты и обычное нормальное печенье в роту (в пачках по 5 штук) и даю первому встречному пацану своего призыва, а если все спят, то отдаю дневальному.

Южанам всё это не нравится и они требуют тоже добавки, но я их наоборот обделяю.

Как-то ночью к нам на кухню приходит Стрельников, ещё один стос с моей роты, нашего призыва и кланчит еду.

-И чего ты хочешь?-спрашиваю, с готовностью достаю пару пачек печенья.-Могу пару банок сгущи ещё нарыть, если подождёшь.

-Стой, нет. Мне надо ящик консервов, ящик сгущенки и коробка печенья...

Я зависаю.

-Ты в себе? На всю службу решил запастись?

-Это не мне. Это они требуют, сказали к тебе подойти...

-Ах это им? Есть хотят? Передай им это. — я показываю «фигу». -И пусть маслом уставным помажут для вкуса.

Стрельников с мольбой смотрит на меня.

-Мне сказали, без еды не приходите. Я просто посыльный, сжался, если пустым приду, то меня ебашить будут. Они или подгон будут есть или меня.

-Передай им от меня, пусть идут на хуй. Тогда тебя не тронут, а ко мне пойдут разбираться.

Стрельников злобно щурится и опускает лицо.

-Тебе хорошо, ты здесь. А мы там втухаем.

-Я ночью часто с вами. Просто прихожу, когда вы все сладко спите и просыпаюсь, когда вы все ещё так же сладко спите. И не надо мне жаловаться на жизнь. Ты нихуя не сделал, чтобы жить лучше. Иди от сюда.

Стрельников развернулся и побрёл походкой человека, которому некуда идти.
Чуть позже, остаюсь на кухне один.

Парни как обычно легли спать в раздевалке, а я греюсь на кухне, жду когда на плите вскипит кастрюля с кипятком для кофе (чайника нет, а целый котёл заряжать из-за чашки не варик) и в какой-то момент начинаю засыпать.

Кладу голову на стол, закрываю глаза.

Сновидения мне давно не снятся.

Сон у меня на службе больше похож на «выключило-включило и не секунды между», но сейчас я вижу образы...

Лежу дома на кровати. Вурдулаки, рычащие черные тени, выползают из-под кровати, хватают меня за конечности и тянут вниз. Я отбиваюсь, вырываю ноги из гниющих лап, раздаётся хлопок, вспышка... и я лежу на кафельном полу кухни.

-Че сюка сказал нам пидр! – шипит Сабилов и бьёт ногой мне в грудь. Рядом с ним стоят Джамбеков, Хамзатов, Магомедов.

Пытаюсь подняться, но на меня обрушивают град ударов ногами и я снова на полу.

-Давай тэбя шас натанэм.-твёрдо изрекает Джамбеков. – Пора нам тэбе борзому препадат урок.

Я проползаю по полу от них туда, где моё спасение, но сил мало и кружится голова.

-Остановыс э счас ты наша сука! – мне бьют ногой по ребрам.

Становится тяжело дышать, заливаюсь кашлем, медленно тяжело встаю, оперевшись о плиту.

-Развэрните его, э.-командует Джамбеков.

-Я сам! Не надо я сам, только не бейте пожалуйста, не могу так больше.-из глаз моих течёт слеза.

Они встали вокруг меня, взяв в полукольцо, вплотную подходит Джамбеков.

-Давай шлуха, я жду! Разворачивайса, э!-требуется он.

Разворачиваюсь с нему спиной, немного наклоняюсь вперед, взглянув на то, что мне было нужно сейчас, как никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.